

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

Взлет «Стрелы»

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников

Взлет «Стрелы»

«ЭКСМО»

2006

Тамоников А. А.

Взлет «Стрелы» / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2006 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 5-699-19880-6

Какие только требования не выдвигали террористы за всю историю своего существования! То самолет им подай, то мешок денег, то свободу узникам, то автономию для какого-нибудь района. Но такого еще не было! Бывший командующий военного округа генерал-полковник Самаранов вместе с группой продажных офицеров захватил ракетный дивизион и, угрожая ядерным ударом, потребовал от правительства ни много ни мало... должность Президента России. Нейтрализовать зарвавшихся мятежников поручено диверсионно-штурмовой группе «Стрела»...

ISBN 5-699-19880-6

© Тамоников А. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Тамоников

Взлет «Стрелы»

Все изложенное в книге – плод авторского воображения. События и персонажи – вымышлены! Всякое совпадение с реальной жизнью непреднамеренно и случайно!

А. Тамоников.

Глава 1

Деревня Шагрино, территория войсковой части

В субботу, седьмого августа, после недели нудного, практически не прекращающегося, мелкого дождя, сопровождающегося порывами холодного ветра, природа словно вспомнила, что на дворе не поздняя осень, а все еще лето. С утра как-то несмело выглянуло солнце, прятавшееся за облаками, к обеду оно осмелело и уже вовсю стало властвовать на небосклоне, разогрев воздух до двадцати градусов. Так что к вечеру улицы небольшого селения и такого же небольшого военного городка отдельного батальона связи, прилепившегося к деревне со стороны реки, были сухими. Люди, привыкшие было к осенней одежде, сбросили легкие куртки и ветровки. Лето вернулось. И от этого настроение улучшилось.

Плановое ежедневное совещание личного состава диверсионно-штурмовой группы особого назначения «Стрела» отряда спецназа «Рысь» Главного управления по борьбе с терроризмом (ГУБТ), дислоцирующейся при батальоне, началось, как обычно, в 18.00.

Офицеры и прапорщики собрались в штабном отсеке отдельно стоящей казармы в точно назначенное время. Было их семь человек. Разместились за столом совещаний. Слева от входа командир первой боевой двойки капитан Станислав Мамаев, рядом с ним напарник – старший лейтенант Андрей Лебеденко и снайпер прапорщик Сергей Дубов. Напротив устроились командир второй боевой двойки капитан Юрий Бураков, его напарник старлей Александр Гончаров и связист группы прапорщик Константин Михайлов. Командир подразделения майор Игорь Вьюжин немного задержался. Его появление в отсеке было встречено командой Мамаева:

– Товарищи офицеры!

Офицеры поднялись, приняв стойку «смирно».

Вьюжин ответил в тон Мамаеву:

– Товарищи офицеры, – разрешая подчиненным занять прежние места. Сам прошел к торцу стола совещаний. Оглядел офицеров и прапорщиков. – Ну что, спецы, начнем? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Вчера я говорил с командиром отряда. Полковник Клинков разрешил завтра объявить всем выходной.

Офицеры переглянулись, а Мамаев спросил:

– Что это так подействовало на Сергея Сергеевича? Как правило, в воскресенье он объезжает группы и устраивает смотры?!

Ему вторил капитан Бураков:

– Да, до этих смотров Клинков большой любитель. Или его самого выдернули на выходной к начальству в ГУБТ?

– Все, что касается действий руководства отряда, обсуждению не подлежит, – ответил Вьюжин. – Или забыли, что означает понятие «субординация»? Так вместо выходного дня я вполне могу провести с вами занятия по изучению уставов.

Голос подал Гончаров:

– Лучше не надо! В какие времена получаем сутки полноценного отдыха – и вместо этого совершенно никому не нужные занятия!

Майор взглянул на старшего лейтенанта:

– А вот тут, Шура, ты ошибаешься. Ненужных занятий не бывает. Но ладно, шучу. Не буду портить настроение. Вместо этого вношу предложение: завтра всем отправиться к лесному озеру, и если уж отдохнуть, то как следует. На природе, с шашлыком, возле водоема, где и порыбачить, и искупаться можно. Водочки попить в разумных, естественно, пределах!

– Предлагаете расслабиться в чисто мужской компании? – спросил Дубов.

– Ну почему же? Присутствие женщины только украсит наш отдых. Правда, маловато их у нас. Но такова жизнь, здесь уж ничего не поделаешь.

Действительно, в группе женатыми были сам командир подразделения и капитан Мамаев. Дубов ходил в женихах. Его невеста училась на психолога. Она в этом году закончила только третий курс МГУ, и молодые люди решили официально оформить брак после того, как Наташа Кравченко, невеста прапорщика и жительница деревни Шагино, закончит вуз.

Мамаев проговорил:

– Я предпочел бы мужскую компанию! Или вообще провести воскресенье дома!

Никого не удивила подобная реакция капитана. В группе знали о непростых отношениях Мамаева с женой, Еленой, но не вмешивались в них.

Вьюжин взглянул на подчиненного:

– Отдыхаем с женами, но если кому-то подобный расклад не нравится, он может остаться дома. Одно условие – городка не покидать! Отдых отдыхом, но, сами понимаете, нас могут поднять по тревоге в любую минуту! Скорее всего, этого не произойдет, иначе Клинков не разрешил бы выходной, но не все зависит от него. Мы же должны быть всегда готовы к выполнению любой потенциальной задачи. Итак, чтобы не затягивать далее время, кто завтра выезжает к озеру, сбор у казармы в 9.00. Поедем на «УАЗе» и моем «Опеле». Форма одежды произвольная, для отдыха на природе. Буракову взять на складе батальона мясо, с этим вопрос я решил, и замариновать его как положено. Лебедеenko, ты едешь?

– Конечно! – ответил старший лейтенант.

– Тогда на тебе мангал, шампура, дрова. Где ты возьмешь последние, меня не интересует. Но найти надо, ибо в лесу сушняк сейчас нет. Водку возьму я. Все, вопросы?

– Никак нет!

– Свободны! Мамай, задержись!

Вьюжин часто, особенно во время боевых акций, называл подчиненных сокращенно. Мамаева – Мамай, Буракова – Бурлак, Михайлова – Михой. Подчиненные отвечали ему тем же и звали майора Вьюном. И это несмотря на то, что каждый в группе имел свой позывной. Впрочем, позывные разнообразием не отличались и начинались названием группы – «Стрела». А далее следовал номер того или иного бойца подразделения спецназа.

Офицеры вышли, Мамаев остался.

Вьюжин закурил, спросил капитана:

– Догадываешься, почему я задержал тебя?

– Нет!

– Прекрати, Стас! Обо всем ты догадываешься. И действительно, речь пойдет о твоей семье. Даже не так. О том, как отношения в семье отражаются на твоей службе.

Мамаев невесело усмехнулся:

– Считаешь, вправе обсуждать мою личную жизнь?

– Да, считаю! – повысил голос командир группы. – Будь мы на гражданке, то я плевал бы на то, что происходит в твоей семье. Живи, как знаешь! Но мы, Стас, не на гражданке! И то, в каком состоянии ты выходишь на задания, далеко не твое личное дело. Вспомни захват банды Мохнатого. Когда на тебя вышли боевики, и ты оказался не готов к встрече с ними. Только страховка Лебеденко спасла тогда тебя и не позволила бандитам вырваться из дома.

Мамаев буркнул:

– На то он и напарник, чтобы прикрывать!

– Не спорю! Но ты бы смог прикрыть Лебеда, окажись он вместо тебя перед духами? Не смог бы, потому как думал не о бое, а черт тебя знает о чем. А прорвись боевики из здания, что могло произойти? То, что они оказались бы в тылу и у Буракова, и у Гончарова, и у Дубова. В результате группу уничтожили бы! И все из-за того, что ты, капитан Мамаев, не был готов к проведению акции после очередной ссоры с супругой.

– Но ведь этого не произошло? И мы сделали духов! Какого черта гадать, что могло произойти, а что не могло? Задачу выполнили? Выполнили! Так чего о ней вспоминать?

Вьюжин посмотрел на капитана:

– Ты так ничего и не понял! Не захотел понять! Да, любовь великое чувство, и счастлив тот, кто познал ее. Как человек я уважаю твои чувства, но как командир вижу: они мешают работе! Ты, переходя в спецназ, знал, на что шел! И должен был принять решение, соотнося его со своей личной жизнью! А посему или ты разберешься в своих делах с супругой, или, что будет честнее, пиши рапорт да поезжай в резерв управления. Я не имею права рисковать жизнью подчиненных из-за того, что ты не в состоянии поддерживать себя в нужной боевой готовности. При всем моем уважении к тебе и твоим прежним заслугам. Не надо ничего говорить. Иди и подумай! В понедельник встретимся. Скажешь, что решил. И пойми меня правильно, Стас. Для этого надо немного, всего лишь поставить себя на мое место! Свободен!

Мамаев, резко развернувшись, покинул штабной отсек.

Прекрасный теплый вечер не радовал капитана, когда он подошел к офицерскому кафе. На душе было мутно. Что ни говори, а Вьюжин прав. Отношения с Еленой выбивали капитана из колеи. Ее постоянные упреки, капризы, демонстративное пренебрежительное отношение к тому, чем он занимался, выводили Мамаева из себя. Но он любил жену! Любил так, что свою жизнь без нее не представлял. Любил дочь. Так же сильно, как и Елену. Они его семья. В то же время капитан не представлял себя вне службы. Он так стремился попасть в подразделение специального назначения, что отказался от карьеры в войсках, сулившей ему, достойному офицеру, быстрое повышение и в должностях, и в званиях. Но Мамаев хотел стать спецназовцем. И он стал им. Добился-таки своего, пройдя серьезный отбор среди равных себе. Оказался лучшим. И это в итоге поставило под угрозу сохранность его семьи. Чертовская несправедливость. Елена буквально взорвалась, узнав, какой выбор сделал Стас. В ее понимании, поменять спокойную карьеру где-нибудь в городе и при штабе на боевую работу мог только глупец и эгоист, думающий только о себе. Но разве о себе думал капитан Мамаев, переходя в спецназ? Разве о себе он думал, когда позже выходил на штурм боевиков, захвативших на автовокзале заложников, в том числе детей второго класса? Разве о себе он думал, когда закрывал грудью девочку от осколков гранаты, брошенной ей под ноги умирающим бандитом? Случай и бронжилет спасли тогда его от неминуемой гибели. Да, в операции против банды Мохнатого он допустил ошибку. И прав Вьюжин – допустил, находясь далеко не в лучшей своей форме. И прав командир в том, что причиной неподготовленности капитана к тому бою являлась его супруга, Елена. Прав! Тысячу раз прав! Но и не пойти на задание он не мог, хотя знал, что психологически не в состоянии настроить себя на бой. Как не мог рассказать Вьюжину, почему отправился на акцию неподготовленным. Этого он рассказать не мог никому. Признаться в том, что провел перед боевым выходом бессонную ночь, означало бы немедленное его отстранение от задания. А заменить Мамаева Вьюжину было нечем. И получилось, что группа пошла бы

на банду в ослабленном составе. Его же признание могло быть воспринято неправильно. Нет, никто из ребят не упрекнул бы Мамаева в трусости, зная, что трусость, как и предательство, чужды и ненавистны капитану. Его признание могло быть расценено как признак того, что он сломался. Психологически утратил контроль над собой. Такое бывало со многими офицерами. Вроде воюют нормально, четко выполняют поставленные задачи. А потом вдруг теряют себя. Видят угрозу там, где ее нет, или, напротив, не замечают опасности, когда она чуть ли не дышит в лицо. Мамаев не сломался, не утратил контроль над собой перед той злополучной операцией против Мохнатого. Просто он провел, наверное, самую тяжелую ночь в своей жизни, вместо того чтобы как следует отдохнуть перед боевым выходом. А началось все с того, что Елена накануне вечером ушла из дома. Вот так! Взяла и ушла! Хотя не просто ушла! Как же это было?

Мамаев осмотрелся, увидел скамейку сбоку от кафе, присел, закурил, погрузившись в мрачные мысли. Он не стал ее искать, зная, что городок супруге не дадут покинуть. А шараться по гарнизону – себя позорить! Елена заявила к трем часам, пьяная и довольная. Ни на какие вопросы мужа отвечать не пожелала. Сказала просто: «Отстань» – и прошла в спальню. А вскоре капитан покинул квартиру. Где жена провела ночь, так и осталось для Станислава тайной. Хотя слухи по гарнизону поползли. Иначе и быть не могло. Кто-то говорил, что видел Елену в общежитии офицеров батальона связи, кто-то в сквере, пившей шампанское с каким-то прапорщиком. Все это было неприятно. И ладно, если кончилось бы тем случаем. Но после него обстановка в семье Мамаевых еще больше осложнилась. Капитан чувствовал, долго так продолжаться не может, но он любил жену, любил дочь и терять их не хотел. Однако и жить так, как жил сейчас, не мог. А что будет дальше?

Мамаев вздохнул, поднялся со скамейки и, выбросив окурочек в урну, зашел в кафе.

Там гремела музыка и расслаблялись молодые офицеры батальона. При появлении капитана они о чем-то зашептались, нагнувшись над столиком, затем дружно рассмеялись. Над чем смеялся молодняк? Над ним? Или какому-нибудь анекдоту? Черт знает. Но их смех вызвал раздражение Мамаева. Он хотел купить сигарет, но заказал водки. Не много для крепкого организма – сто пятьдесят граммов. Не отходя от стойки, опрокинул стакан. Забрал пачку «Винстона» и пошел к выходу. И вновь за спиной услышал смешки. Родилась мысль подойти к лейтенантам да устроить разборку. Но что это даст? Ничего. Еще большие насмешки в его адрес. Вышел на улицу, направился к дому. Дверь открыла дочь. В свои пять лет она была не по возрасту смышленной и самостоятельной. Сразу же бросилась на шею капитана:

– Папа! А по телевизору только что мультяшники показывали. Такой смешной!

Мамаев опустил дочь:

– Тебе понравился, Настенька?

– Очень! Жалко, ты не посмотрел!

– Ничего! Другой вместе посмотрим.

В прихожей появилась супруга:

– Явился?

– Ну, зачем ты так, Лена? – спросил Станислав. – Грубо и при дочери!

– О дочери вспомнил! Смотри, какой заботливый и любящий папаша, – заявила Елена и приказала Насе: – Иди в комнату, собери игрушки!

Дочь послушно прошла в комнату, а супруга продолжила:

– Ты бы вместо того, чтобы в любовь играть, домой как человек вовремя приходил.

– Но ты же знаешь, я был на службе!

– И пил на службе? – Елена почувствовала запах спиртного.

– Нет, не на службе. По пути домой! Потому что уже нервов не хватает приходить туда, где тебя встречают хуже, чем чужого!

– Ой, ой, ой! Бедненький! Ты еще поплачься! Сам виноват, что в семье бардак!

– Но в чем виноват?

– А в том, что даже в выходные торчишь на своей проклятой службе. Она для тебя все, я же с дочерью так, придаток!

– Лена!

– Что, Лена? Хотя какой смысл с тобой сейчас разговаривать? Да и не сейчас тоже! Раздевайся, умывайся, ужинать будем. И предупреждаю, от тебя пахнет водкой, так что ко мне даже прикасаться не смей. Впрочем, я лягу с Настей!

Взгляд капитана посуровел.

– Может, ты вообще переберешься в комнату дочери? Или опять на ночь уйдешь из дому?

Елена ответила:

– Знаешь, тебе не стоит разговаривать со мной подобным тоном, тем более в чем-то упрекать! Во всем, что происходит в семье, виноват ты. А я... я, скорее всего, совсем уйду от тебя. Уеду к родителям! Так что иди в ванную, не зли меня!

Жена развернулась и пошла вслед за дочерью.

Капитан с силой ударил кулаком о стену коридора: «Ну, что за жизнь, в самом деле. У других... да что смотреть на других? Обидно».

Мамаев прошел в спальню, переоделся и отправился в ванную. Встал под ледяные струи душа, стараясь успокоиться. Спустя десять минут, взяв себя в руки, вышел на кухню. Елена покормила дочь и ждала мужа. Пока еще она садилась за стол вместе с ним. Поужинав, капитан поблагодарил супругу:

– Спасибо! Все было вкусно!

Елена усмехнулась:

– Вот только не надо этого, а? Все было как обычно. – Она закурила, глядя в окно.

– Завтра командир решил устроить пикник на природе, – сказал Мамаев. – С шашлыком.

Елена повернулась к мужу, изобразив удивление:

– Да что ты? Вас расформировали?

На этот раз удивился капитан:

– Почему расформировали?

– Не знаю! Но я что-то не помню, когда у тебя был просто выходной. А завтра не то что свободный день, а целый пикник!

– Мы же тоже люди и имеем право на отдых!

– Угу, имеете! На полигоне торчать да по командировкам шарахаться. Вот на это вы имеете полное право. Но не на отдых. Нормальная жизнь для других!

– Не ерничай, Лена! Завтра сбор в 9.00 у нашей казармы!

– Прекрасно! Вот и поезжай на свой пикник. Хоть в девять часов, хоть в десять. Хоть на сутки, хоть на неделю!

– А ты?

– А что я? Я, как всегда, дома останусь!

– Но мы решили выехать с семьями!

Елена вновь усмехнулась:

– С какими семьями? У кого из вас есть семьи? У Вьюжина?

– Хотя бы у него. Его супруга, Валентина, обязательно поедет, да и невеста Дубова, Наташа, тоже!

– Конечно! Эти за своими мужиками хоть на край света. Наташке замуж выскочить надо. Где она еще себе мужа найдет? В Москве на деревенщину не посмотрят. Да и Валька, клуша, никому, кроме своего майора, не нужна.

– Ну почему ты такая...

– Какая? Продолжай?!

– Слов не подберу! Все не по тебе!

Елена затушила сигарету в пепельнице.

– Да! Не по мне! Мне в этой компании неинтересно. Неужели не понятно?

– Извини, другой нет и не будет! И хватит капризничать! Никто тебя не заставляет общаться с Валентиной или Наташей. Шашлыка отведаем и отойдем в сторону. Искупаемся, Настя по лесу побегает!

– Хочешь показать своим, что у нас в доме порядок?

– Да хоть бы и так!

– Ну раз так, ладно! Поддержу муженька, подыграю ему. А то еще уберут из группы, с тоски завянет. Ему ж без войны, как без воздуха?!

Она поднялась, собрала посуду в мойку.

– Тебе помочь? – предложил Станислав.

– Обойдусь! Иди Настей займись. Она, как ни странно, в тебе души не чает. Может, потому что почти не видит?

Мамаев, промолчав, пошел в комнату дочери. Он надеялся, что ночью сумеет сгладить обострившиеся отношения с Еленой, но та, как и обещала, не пришла в спальню, оставшись у Насти. И вновь Мамаев провел бессонную ночь. Его, боевого офицера, мучила беспомощность. Он мог в рукопашном бою победить нескольких подготовленных террористов, а вот с характером жены справиться был не в состоянии. Это и бесило его, и вызывало крайнее раздражение. Он проклинал себя. Проклинал за то, что так любит Елену. За то, что не может дать ей то, чего она хотела бы. За то, что не может повлиять на супругу, и главное – за то, что не сможет в конце концов остановить неминуемый крах их семейных отношений. Даже если капитан и оставит службу, это уже ничего не изменит. Возможно, отсрочит на какое-то время распад семьи, но не более того. Как это ни больно, но Станислав понимал: Елена больше не любит его. Сильное когда-то чувство прошло. Испарилось, и его не вернешь! От осознания сложившейся ситуации капитану хотелось выть. И он, страдая от бессонницы и равнодушия жены, завыл бы, если бы это помогло. Но ничто не могло помочь ему. Не хотелось жить.

Незаметно наступило утро воскресенья, 8 августа.

В 7.40 в спальню вошла Елена. Увидев лежащего на неразобранной постели мужа, полную окурков пепельницу на тумбочке и повисшее в комнате густое облако дыма, проговорила:

– Вместо того чтобы страдать, как институтка, лучше подумал бы, как изменить жизнь. Или ждешь, что пожалею? Нет, Мамаев, этим меня не возьмешь. И не к лицу мужчине раскидывать, словно баба. Мужик, он должен... хотя это с врагами страны ты мужик, а дома... ладно, собирайся, раз решили ехать на ваш пикник!

Она прошла к окну, раздвинула шторы, открыла створки окна, чтобы проветрить комнату. Затем пошла к двери, но вдруг остановилась:

– Только учти, Стасик, на пикнике ты пить не будешь! Мне еще пьяные бредни слушать не хватало. Как приедем, сразу уйдем от толпы. Подальше! Шашлык принесешь туда, где разместимся с семьей, а нет, так и без него обойдемся. Это мое условие. Если ты против – поезжай один. И гуляй сколько влезет. Но ночь опять в одиночестве проведешь. И плевать, что обо мне подумают твои сослуживцы! А теперь вставай, приводи себя в порядок и, как я уже говорила, собирайся.

Елена вышла, Мамаев резко поднялся. А он-то думал, жена поступит иначе. Поймет, как ему плохо. Не поняла. Потому что не хочет ничего понимать! Условия выставила. А он, как послушный щенок, должен ей подчиниться. И она уверена в том, что он подчинится, играет на его чувствах. Но он тоже не пацан. Хватит! Если семейная жизнь приближается к краху и нельзя ничего изменить, то пошло бы оно все к черту! Права Лена, надо быть мужиком, а то он слюни распустил.

Мамаев вышел в гостиную, подошел к телефону, набрал номер внутренней связи:

– Командир? Мамаев!

– Слушаю тебя, Стас! – ответил майор.

– Я на природу не еду! О причине не спрашивай. Завтра прошу принять меня после построения! Надо решить серьезный вопрос!

– Ты хорошо подумал перед тем, как начать решать серьезный вопрос?

– Очень хорошо, майор!

– Добро! В понедельник, в десять часов, я приму тебя!

– Ребятам скажи, что... хотя ничего не надо говорить. Потом сам все объясню!

– Это лишнее, Стас! Ты не должен ни перед кем оправдываться!

– До свидания!

– Давай, капитан! И подумай еще перед тем, как прийти ко мне! Время на это у тебя есть! До завтра!

Елена, одевавшая дочь, изумленно посмотрела на супруга:

– Что это значит, Мамаев?

– Мы никуда не едем!

– Вот как? Интересно! А что же такое серьезное ты решил обсудить с Вьюжиным, если это не секрет?

– Разговор не при Насте!

– Еще интересней! Ты интригуешь меня, Мамаев.

Станислав промолчал. Елена нагнулась к дочери:

– Настенька, пройди, пожалуйста, к себе в комнату, хорошо?

– Хорошо, а вы ругаться будете?

– Ну что ты, моя хорошая. Просто поговорим с папой, и все!

– Да знаю я, как вы разговариваете!

Девочка, как взрослая, тяжело вздохнула и прошла к себе.

– Пойдем на кухню? – спросила Елена.

– Идем!

Усевшись за стол, и Станислав, и Елена одновременно закурили. Было заметно, как слегка подрагивают пальцы женщины. Но она держалась, по крайней мере внешне выглядела по-прежнему высокомерно-пренебрежительной, не подозревая, что совершает ошибку.

– Я слушаю тебя, Мамаев!

– Слушай! Мне надоели твои постоянные капризы, твое издевательское по отношению ко мне поведение. Я пришел к выводу, что твои чувства ко мне остались в прошлом, а сейчас ты мстишь мне за то, что связала жизнь с офицером спецназа. И чтобы не мучить друг друга, хотя тебе обстановка в семье не приносит страдания, я решил подать заявление на развод. Поезжай к своим родителям, там свобода, там мужчины, которые имеют деньги, там то, что тебе нужно! Я же подкаблучником не буду. И так ребята за спиной смеются. Надо мной, у которого десятки боевых выходов, три ордена. Из-за тебя недавно я чуть не погубил группу. Я люблю тебя и Настю, и мне тяжело далось это решение, но оно принято. А решений я не меняю, и ты это знаешь!

Елена, выслушав мужа, неожиданно рассмеялась, но смех ее был какой-то неестественный, натянутый.

– О господи! Испугал. Развестись он решил! Да ради бога! Я сыта этой жизнью, – женщина провела рукой по горлу, – вот так! Мне всего двадцать четыре года, квартира в городе, а я сижу в закрытом городке и выйти из него не могу, не пускают, потому что, видите ли, муж в особом каком-то подразделении. Антитеррорист хренов. Ради чужих жизнь готов положить, а на своих наплевать! Да пошел ты к черту! Думаешь, пропаду без тебя? Не дожدهшься! И жить буду, как человек. Устроюсь не хуже других! А ты, Мамаев, когда тебя из твоего спецназа за ненужностью выкинут, еще придешь ко мне дворником наниматься.

Капитан спросил:

– Возьмешь?

– Возьму! Пожалеем убогого! Даже не дворником, швейцаром. Чтобы стоял на входе с железками, которыми тебя за службу верную наградили.

Станислав отвесил супруге увесистую пощечину и, задрожав от ярости, сказал:

– Это тебе, сука, за железки! Не смеешь награды трогать. Не тобой даны! И не за деньги! За кровь!

Слетевшая со стула от удара, Елена медленно поднялась:

– Ты еще пожалеешь об этом, Мамаев!

– Я уже жалею, что все последнее время плясал под твою дудку. Пляски кончились. Готовься во вторник убраться из городка! Все, базар окончен.

Капитан поднялся. В это время сработала его импульсная рация. Ею спецназовцы пользовались во время боевых выходов, так как прослушать ее и запеленговать было невозможно. Вызов означал, что в подразделении возникли проблемы. Но что за проблемы накануне выезда офицеров на отдых?

Мамаев ответил, как положено:

– Я – Стрела-2! Слушаю!

– На связи Стрела-1! Ты еще дома?

– Так точно!

– Давай срочно в кабинет! Экипировка боевая!

– Есть! Выполняю!

Капитан направился в гостиную, где на нижней полке хранилось его боевое обмундирование.

Елена проговорила вслед:

– Отдохнули, спецы? Разбежались. Черта с два дадут вам расслабиться. И поделом. Вам разрешено только одно – подыхать за других. И подыхайте, раз ума нет. Да откуда ему взяться? Вы ж по пояс деревянные.

– Заткнись!

Елена вскричала:

– Заткнись? Нет уж, дорогой! Ты говорил, чтобы во вторник я убралась отсюда? Согласна. Но только не во вторник, а сегодня же. Не хочу дожидаться, когда ты вернешься из своей командировки или твой труп дружки привезут в целлофановом мешке. Не желаю! Ждать не желаю!

– Успокойся. Я передам на КПП распоряжение от имени Вьюжина, чтобы тебя сегодня же выпустили из городка. Развод оформлю, как вернусь. Если вернусь, конечно, вот здесь ты права полностью. Но тогда тебе же легче, справку в штабе получишь, и со штампом в паспорте проблем не будет!

Мамаева презрительно скривилась:

– Разберусь!

– Не сомневаюсь!

Облачившись в боевую форму офицера спецназа, Станислав прошел к дочери, поцеловав ее в лоб.

– Ты опять уезжаешь, пап? – спросила девочка.

– Не знаю, Настенька! Наверное!

– Но почему? Сегодня же выходной!

– Так надо!

– Если уедешь, то надолго?

Капитан вздохнул:

– И этого не знаю!

– Ну почему у тебя такая работа?

– Потому, что она нужна людям!

- А я не люди?
- Ты тоже люди! Но мне пора, дорогая. Слушайся во всем маму, будь умницей!
- Хорошо! Я буду ждать тебя!
- Спасибо, Настя!

Мамаев вышел из комнаты дочери, подхватил брезентовую десантную сумку, в которой хранилось все, что необходимо офицеру спецназа на боевых выходах и учениях, и, не попрощавшись с женой, покинул квартиру, в сердцах хлопнув дверью.

Капитан отправился на территорию войсковой части, где в отдельной казарме находился и штаб диверсионно-штурмовой группы, а точнее, просто канцелярия, она же место совещания офицеров, отсеки для тренировок личного состава – отработки приемов рукопашного боя, метания ножей – и тир для стрельбы из специального, бесшумного оружия. Наряд в отдельной пристройке, без права входа в казарму осуществлял личный состав батальона связи.

Козырнув, дежурный пропустил Мамаева в казарму. Станислав прошел в кабинет Вьюжина, где уже собрался весь личный состав группы. Поздоровался с офицерами, присел на стул с краю стола совещания.

Вьюжин обвел взглядом подчиненных:

– Собрались мы, мужики, расслабиться, да не судьба. В 7.00 позвонил командир отряда и приказал сегодня к 9.00 собрать личный состав. Для чего – узнаем с минуты на минуту. Полковник Клинков уже выехал из Москвы.

– А что с мясом делать? Я же его замариновал?! – спросил Бураков.

Майор отмахнулся:

- Нашел о чем думать! Не пропадет твое мясо, если догадался в холодильник поставить!
- Догадался. Банка в холодильнике!
- И забудь о ней!

Голос подал Мамаев:

– Приезд Клинкова говорит о том, что группе, скорее всего, придется принять участие в какой-нибудь акции. Так просто он к нам не поехал бы.

Офицеры согласились, но продолжить обсуждение затронутой Мамаевым темы не успели. В кабинет вошел полковник Клинков – командир отряда спецназа «Рысь». Невысокий, крепкий, сорокалетний офицер. Спецназовцы по команде встали. Вьюжин уступил место полковнику, устроившись сбоку от него, и полковник разрешил подчиненным занять места за столом. Достал пачку сигарет, закурил. Предложил курить и остальным, но бойцы «Стрелы» отказались, дабы не задымлять помещение так, что из него пришлось бы уходить. Полковник, сделав несколько глубоких затяжек, оглядел каждого офицера группы.

– Слышал, на пикник собрались? Правильно! И время, и погода подходящие. Но придется лишать вас этого удовольствия. – Он взглянул на часы. – Уже в полдень группе предстоит убыть в Краснодарский край, а точнее, в окрестности города Апшеронска. Группа должна провести акцию по захвату базы с оружием, предназначенным чеченским бандформированиям. Обстановка на данный момент следующая...

Клинков извлек из «дипломата» карту Краснодарского края и разложил ее на столе совещаний. Офицеры склонились на ней.

Полковник карандашом указал на населенный пункт:

– Вот Апшеронск. От него отходит дорога на Туапсе через перевал Большого Кавказа. Обратите внимание на линию вдоль реки Пшеха. Это тоже дорога, но не имеющая выхода к морю. Она используется для других целей.

Клинков довел до сведения личного состава, что ранее, при Союзе, северный склон Большого Кавказского хребта изобилует леспромхозами. Они, эти предприятия по добыче и частичной переработке леса, сохранились и до сих пор, перейдя в частное владение, изменив название. Сейчас это по большей части кооперативы. На территории одного такого коопера-

тива боевиками и устроена перевалочная база для складирования прибывающего туда оружия, боеприпасов и различного армейского снаряжения с целью последующей переброски груза в горные районы Чечни.

– Так вот, товарищи офицеры, по данным разведки ГУБТ, из Апшеронска завтра в восемь часов утра в горы пойдут два грузовика, груженные оружием и боеприпасами. Не спрашивайте меня, кто и каким образом организовал транзит, это вас не касается, и этим занимаются другие службы антитеррористического управления. Задача отряду поставлена следующая. Перехватить колонну в двадцати километрах от Апшеронска, захватить старшего этой колонны и с его помощью выйти на базу, с ходу атаковав и уничтожив ее! Отмечу сразу. Нам неизвестно точно, где расположена перевалочная база боевиков, а лишь то, что она оборудована на территории одного из многочисленных кооперативов. Все они расположены на склоне перевала и не ближе шестидесяти километров от города. Предлагаю следующий план действий. Вот здесь, – полковник указал на небольшой ровный участок серпантина, окруженный с обеих сторон плотными зарослями кустарника, – отработать машины. Это не составит труда. Максимум боевиков, которые могут сопровождать груз, – человек восемь-десять, это считая водителей. Старший же может находиться как в первой, так и во второй машине. Поэтому при отработке колонны старшие обоих автомобилей должны быть взяты живыми.

Мамаев поднял руку:

– Вопрос разрешите, товарищ полковник?

Клинков, спокойно относившийся к тому, что его перебивали уточняющими вопросами во время собственного доклада, разрешил:

– Спрашивай, Станислав!

Капитан встал:

– Как понимаю, за грузовиками в Апшеронске установлено наблюдение, так?

– Так!

– Почему наблюдатели не могут вычислить старшего бандитского шалмана и определить, где конкретно он займет место при совершении марша?

Клинков кивнул:

– Хорошо, что ты не спросил, почему бы нам не захватить груз в самом Апшеронске. А на вопрос отвечаю: да, усадьба, где встала на отдых колонна боевиков, силами группы «Оса» взята под контроль. Майор Градовский доложил, что старший банды, осуществляющей транзит оружия, определен. Но по голосу, с помощью дистанционного прослушивающего устройства. В лицо его никто не видел. И потом, даже если с утра ребята Градовского и зафиксируют этого старшего, то во время движения он спокойно может из первого грузовика пересесть во второй, или наоборот. У вас же на захват колонны будут секунды, дабы на базу боевиков не ушел поданный кем-либо из бандитов сигнал тревоги.

Бураков спросил:

– А как насчет того, чтобы заблокировать бандитам радиоэфир во время захвата?

– Мы не знаем, какими средствами связи они обладают. А посему ничего заблокировать не будем. Но попрошу вопросы оставить на конец совещания, иначе превратим постановку задачи в балаган, отнимающий время.

Офицеры согласились, Клинков продолжил:

– После захвата старшего и нейтрализации боевиков сопровождения ты, Игорь Дмитриевич, – полковник обратился к Вьюжину, – узнав точное местонахождение базы, переоденешь своих людей в одежду бандитов, заменишь ими сопровождение и на грузовиках продолжишь движение, держа старшего при себе под полным контролем. С этой минуты за вами на бронетранспортере пойдет группа «Оса». Но атаковать базу предстоит вам. «Оса» лишь поддержит вас, если ситуация изменится не в нашу пользу, чего исключить нельзя. А вот теперь прошу вопросы!

Поднялся Дубов:

– Товарищ полковник, а откуда у группы «Оса» бронетранспортер?

Офицеры засмеялись. Но Клинков ответил серьезно:

– Естественно, не из Подмоскovie. БТР выделила майкопская бригада.

– Понятно! – Прапорщик сел на место, посмотрев на товарищей. – Ну чего вы ржете?

Спросить нельзя.

Михайлов ответил:

– Ты бы, Дуб, еще поинтересовался, откуда возле Апшеронска горы взялись?

– Да ну вас!

Вьюжин пресек смех:

– Отставить ненужные разговоры. Если есть вопросы по теме, задавайте, нет – закроем совещание.

– Когда, чем и куда конкретно будет переброшена наша группа? – спросил Мамаев.

Клинков указал на карте на равнинную часть недалеко от начала склона:

– Вот сюда! Это в пятнадцати километрах от Апшеронска и в тридцати с небольшим от места действия группы. Переброску осуществим вертолетом «МИ-8» с промежуточной посадкой в Ростове. Вылет отсюда в 15.00, чтобы в 18 часов подразделению начать пеший марш к рубежу боевого применения, на который необходимо выйти к шести часам утра понедельника.

– Ясно! Значит, на перевал пойдем пешком?

– Да! При всем желании и имеющихся возможностях в плане техники переброска возможна лишь в пешем порядке. Причина банальна – отсутствие пригодных для автомобилей дорог, кроме той, по которой утром начнут свой марш боевики. Но использовать ее рискованно. Оставим след, провалим операцию.

– Что ж пешком так пешком!

Майор обратился к офицерам:

– Еще вопросы?

Бураков поинтересовался:

– Это конечная задача или она будет скорректирована дополнительно?

– В общем, задача конечная, – ответил полковник. – Если возникнет необходимость в ее корректировке, то обо всех изменениях узнаете от своего непосредственного начальника, майора Вьюжина. Все?

Мамаев вновь поднял руку:

– Примерная численность боевиков на самой базе?

– Актуальный вопрос. Лесхозы, так будем называть новоявленные кооперативы, как правило, много людей не имеют. Работают вахтовым методом. В нашем случае, понятно, ни о какой вахте речи не идет. А посему боевиков на базе может быть десять-пятнадцать человек.

– Понятно! У меня вопросов к командиру отряда больше нет. – Мамаев ударил ладонью по краю стола. – Все ясно, обычная задача в привычной обстановке!

Не было вопросов и у остальных офицеров.

Клинков поднялся, спрятал карту в кейс.

– Тогда расходимся. Вертолет подойдет к вам в 14.30. До этого времени подготовьтесь к акции. До свидания и удачи вам, «Стрела»!

Офицеры группы особого назначения попрощались с командиром отряда и вышли из кабинета. Мамаев, покинув казарму, устроился в курилке. Закурил. На душе по-прежнему было мутно. Но сейчас он готов к выполнению боевой задачи. Более того, в данный момент смена обстановки была ему просто необходима. Но надо еще поговорить с Вьюжиным.

Тот вышел с командиром отряда. Проводил его до служебной «Волги». Старшие офицеры поговорили еще минут пять, и Клинков уехал. Командир диверсионно-штурмовой группы направился к казарме. Мамаев окликнул его:

– Игорь Дмитриевич, на минуту можно?

Майор подошел, присел рядом с капитаном.

– Что у тебя, Стас?

– Я принял решение развестись с Еленой!

– Вот как? Что ж, твое дело, отговаривать не стану. Надеюсь, на решение не повлиял наш вчерашний разговор? Знаешь, не хотелось бы остаться крайним в семейных разборках.

– Не повлиял, – сказал Мамаев. – Решение принято без чьего-либо влияния, и оно окончательное. Хотел завтра подать рапорт по существу вопроса, но... сам понимаешь, в горах этого не сделать.

– Подашь, как вернемся!

– Непременно, но Лена не желает оставаться в городке. Хочет уехать с дочерью к родителям.

Майор кивнул:

– Объяснимое желание. Значит, от меня требуется разрешение на то, чтобы твоя семья покинула гарнизон?

– Да!

– Хорошо! Идем в кабинет. Там все документально оформим!

С разрешением командира Мамаев прошел на контрольно-пропускной пункт закрытого военного городка. Дежурный прапорщик принял документ.

Выйдя с КПП, по сотовому телефону Мамаев набрал номер жены. Та ответила сразу, словно ждала звонка.

– Лена, ты можешь уехать в Москву хоть сейчас, – объявил Станислав. – Разрешение на КПП!

– Спасибо! Больше мне от тебя на данный момент ничего не надо! Счастливого служить, герой!

Слово «герой» она произнесла с нескрываемой иронией.

– Через какое-то время я заеду к вам, – сказал Мамаев, – оформим развод в загсе!

– Только позвони перед этим. Я сидеть дома, как здесь, в городке, не собираюсь!

– Позвоню! Береги Настю!

– Об этом не беспокойся, заботливый папаша! Ей недолго помнить тебя!

Капитан выключил телефон, зло сплюнул на асфальт. Посмотрел на время. До вылета более двух часов, надо немного отдохнуть после бессонной ночи. Где? Придется просить ребят, чтобы дали ключ от номера офицерской гостиницы. Мамаев пошел к казарме.

Глава 2

Разбудил Мамаева Дубов, который нашел капитана в комнате офицерского общежития:

– Стас! Подъем! 14.30!

Станислав поднялся, словно и не спал. Спросил:

– Где у вас тут можно умыться?

Прапорщик ответил:

– По коридору налево до конца. Там с одной стороны бытовка, с другой – умывальник.

Приведя себя в порядок, Мамаев вернулся в комнату. Взял сигареты со стола.

– А жена твоя, – сказал Дубов, – с дочерью только что уехала из городка!

– Оперативно! – усмехнулся Стас. – Что ж, уехала так уехала!

Офицеры вышли из общежития, направившись к казарме.

Выюжин с группой уже ждал их. Подразделение прошло к вертолетной площадке.

Встретил спецназ командир экипажа майор Степан Лаврентьев. Мамаев хорошо знал пилота. После общего приветствия и доклада Лаврентьева Выюжину о готовности к вылету они отдельно еще раз поздоровались и переговорили:

– Привет, Степа! Все летаешь?

– Здорово, Стас! А ты все воюешь?

– Работа такая!

– Вот и у меня тоже! Задание-то сложное?

– Черт его знает. По замыслу командования обычное, а как все на деле пойдет, одному богу известно.

– Это как всегда.

– Как семья, Стас? – поинтересовался Лаврентьев. – Лена? Настя?

– Нормально! – солгал капитан. – У тебя?

– Порядок!

– Это хорошо!

– Кто бы спорил! Тыл – в нашей работе главное.

Выюжин подал команду диверсионно-штурмовой группе занять места в вертолете.

Группа выполнила распоряжение, и ровно в 15.00 «МИ-8» оторвался от бетонной площадки батальона связи. Переброска длилась около трех часов, полчаса из которых заняла промежуточная посадка для дозаправки вертолета на военном аэродроме Ростова-на-Дону. К месту высадки «вертушка» прибыла вовремя, и в 18.00 Лаврентьев плавно посадил винтокрылую машину в низине на пятачке, метрах в двадцати от леса, покрывавшего весь северный склон Большого Кавказского хребта. Пилот вышел из вертолета вместе с подразделением. Лаврентьев о чем-то поговорил с командиром группы, после чего подошел к Мамаеву:

– Ну что, Стас, удачной тебе охоты!

– Ты улетаешь?

– Недалеко! В Пятигорск. Будут ждать там. Думаю, недолго.

– Я тоже надеюсь на это!

Офицеры попрощались. Вертолет взмыл в небо и, взяв курс на север, вскоре скрылся из виду.

Выюжин объявил общее построение группы.

Как только офицеры спецназа выстроились в шеренгу, коротко проинструктировал подчиненных:

– После перекура начинаем выдвижение на рубеж применения. До него тридцать три километра. Учитывая рельеф местности, а также постоянный подъем, скорость движения определяю три километра в час. Через каждые пять километров двадцатиминутный привал. Таким

образом, к месту применения группа должна выйти, – майор взглянул на часы, – как и запланировано, к шести утра. На рубеже рекогносцировка местности и занятие позиций для штурма колонны боевиков. Порядок движения следующий – передовым дозорам следует старший лейтенант Лебеденко, замыкающим старший лейтенант Гончаров. Дистанция между дозорами и основной группой произвольная, обеспечивающая визуальный контакт. Вопросы?

Вопросов у офицеров не было. Выужин, разрешив бойцам перекурить, подозвал к себе Мамаева:

– Как ты, Стас?

– В порядке!

– Хорошо! Если что... да ладно, завтра, думаю, ты выполнишь свою часть задачи как надо.

– Не сомневайся, майор! Все будет нормально!

В 18.07 группа, вытянувшись в колонну, начала подъем по северному склону Большого перевала. Вышли на рубеж раньше времени, в 5.30. Выужин разрешил подчиненным отдых, сам же подозвал к себе связиста, прапорщика Михайлова. Между собой бойцы группы общались с помощью портативных импульсных раций малого радиуса действия, для связи с вышестоящим командованием и командиром поддерживающей группы использовалась радиостанция Р-107. Михайлов подошел к командиру.

– Свяжи-ка меня с отрядом! – распорядился майор.

Прапорщик, опустив станцию на землю и выбросив лучевую антенну, принялся вызывать командира отряда спецназа:

– Рысь-1! Я – Стрела-1. Как слышишь меня, я – Стрела-1. Прием!

Клинков ответил сразу, без промедления установив связь, прапорщик передал фурнитуру станции командиру группы. Майор Выужин доложил:

– Рысь! Я – Стрела! Вышел на рубеж применения.

– Понял тебя, Стрела! Работай по оговоренному плану, установив контакт с Осой! – Пока никаких дополнений и уточнений по задаче не будет.

– Принял, Рысь! Выполняю! – Майор повернулся к Михайлову: – А теперь, Костя, давай мне Градовского.

Через минуту ответил и командир группы «Оса».

Выужин запросил обстановку в Апшеронске. На что получил ответ. В городе все пока тихо. Место сосредоточения машин боевиков находится под контролем. Также бойцами группы заблокирован выезд из Апшеронска. Прочесывание местности показало, что бандиты внешнего охранения колонны пока не выставили. И скорей всего не выставят. Но ближе к восьми часам все окончательно прояснится, и Градовский сообщит Выужину об изменениях в обстановке, если таковые будут иметь место.

Пока командир группы вел переговоры, Мамаев, выбрав небольшую ложбину, отдыхал, прислонившись к толстому стволу старого клена. Рядом с ним пристроился Дубов.

– Капитан, вопрос разрешите?

– Валяй, если есть что спрашивать!

Прапорщик потер лоб.

– Да тут не то чтобы спрашивать, а проконсультироваться бы.

– Интересно, о чем?

– О личном.

– О личном? – удивился капитан. – И что ты хочешь от меня услышать?

– У нас в группе только двое женатых, ты да командир, но к Выужину не подойдешь, занят, а вот с тобой другое дело.

Мамаев поторопил прапорщика:

– Ты, Сережа, не тяни. Давай без предисловий, что тебя мучает?

– Ты ж знаешь, невеста у меня, Наташка из деревни. На третьем курсе в университете учится.

– Знаю, и что?

– Я ей предложение сделал, она его приняла, все ж любовь меж нами, но сказала, что ей для начала надо специальность получить. А я вот думаю, стоит ли ждать? Может, настоять и раньше свадьбу сыграть? Кто знает, что через два года будет? Как думаешь, Стас, правильно мысля?

Капитан вздохнул:

– Мыслишь, Серега, может, ты и правильно. И то, что любовь меж вами, тоже хорошо. Вот только за советом ты обратился не по адресу. Женатый в группе у нас теперь остался один командир!

Прапорщик проговорил:

– Так вот почему ты у меня, а не дома, отдыхал перед вылетом, а Елена с дочерью покинули городок?

– Да, поэтому. Развожусь я с Леной!

– А как же дочь, Стас?

– Не сыпь мне соль на рану. Сам не представляю, как буду жить без нее да, признаться, и без Лены тоже. Но, думаю, привыкну! Другие же привыкают.

Прапорщик задумался. Затем сказал:

– Да, жизнь. Вот и я боюсь, а вдруг за эти два года Наташка в Москве какого-нибудь богача встретит и он охмурит ее.

– Если Наталья любит тебя, то не позволит себя охмурить!

– Хотелось бы!

– А со свадьбой не торопи ее! Не надо!

Диалог Мамаева с Дубовым прервала команда Вьюжина:

– Внимание, группа, в одну шеренгу становись!

Все выполнили приказ. Майор прошелся вдоль строя.

– Проводим рекогносцировку местности в радиусе километра от места засады. После чего собираемся здесь же.

Командир определил каждому офицеру сектор леса и приказал начать прочесывание местности. Бойцы группы веером разошлись по массиву. Вьюжин с прапорщиком-связистом вышел на грунтовку, по которой вскоре должна проследовать колонна с оружием. Он должен был выбрать место штурма этой колонны.

Рекогносцировка длилась полтора часа.

В 7.40 офицеры собрались на рубеже применения.

Вьюжин расстелил на траве схему, которую начертил, исследуя дорогу. Спецназовцы присели возле нее.

Майор указал на ровный участок дороги, проходящий через своеобразный тоннель, состоящий из зарослей кустарника:

– Здесь атакуем колонну. Порядок рассредоточения и действия группы следующие. Я занимаю позицию перед поворотом, в конце прямого участка и останавливаю колонну. Первая боевая двойка занимает позиции слева от грунтовки, вторая двойка справа. С тыла блокирует место засады снайпер, прапорщик Дубов. Связист остается здесь. После остановки колонны стремительный штурм. Ребята «Осы» наблюдают за грузовиками, и они сообщают, сколько боевиков пойдут с колонной. Но, возможно, они не сумеют точно определить количественный состав противника. Посему будем пока исходить из того, что в каждой машине будут находиться по пять человек, трое в кабинах, двое в кузовах. Следовательно, действуем так!..

Майор довел до личного состава план штурма. Офицеры согласились с ним.

Вьюжин отдал распоряжение:

– А теперь на позиции, ребята! Подготовить их для атаки. И так, чтобы до штурма вас с дороги не было видно. Переходим на общение через внутреннюю связь. В ходе штурма использовать бесшумное оружие.

Каждый офицер имел при себе автоматы «вал» с глушителем, обычные «АК-74», пистолеты и по четыре гранаты.

Приняв приказ, группа, разбившись, вновь разошлась на этот раз для оборудования позиций в целях проведения штурма колонны с оружием.

Лесной массив в 15 км от Апшеронска.

Позиция командира группы

Вьюжина вызвал связист Михайлов:

– Командир, Оса на связи! Переключаю.

Майор услышал немного искаженный голос Градовского:

– Вьюн? Докладываю, боевики начали движение! Строго по графику.

Вьюжин бросил взгляд на часы: 8.00.

– В грузовиках шесть человек, – продолжал командир группы «Оса». – Водители, старшие машин и по одному боевику охраны в кузове. Вооружение стандартное: автоматы «АК». Сопровождения нет!

– Кто является начальником колонны, выяснить не удалось?

– Удалось в самый последний момент. Это некий Рудольф. Он перед отправкой связывался с базой, называя говорившего с ним Медведем. Мы прослушали разговор. Рудольф отвечает за сохранность груза, он поддерживает связь с Медведем во время движения. Его же очень ждут на базе. Там к приему груза все готово!

– Ясно! Где в колонне находится этот Рудольф?

Градовский ответил:

– Он старший второй машины.

– Что за технику используют боевики?

– «КамАЗы». Бортовые, накрытые тентом.

– Тенты сзади опущены или подняты?

– Опущены, но боевики в кузовах имеют возможность следить за дорогой.

– Ясно! Твои дальнейшие действия?

– Пропущу колонну в лес, еще раз посмотрю, не пойдет ли за колонной страховка, затем, заблокировав грунтовку в начале лесного массива, двинусь следом!

– Хорошо! О своих действиях доложишь Клинкову сам?

– Уже доложил. Он одобрил решение!

– Тогда работаем, Сеня?

– Работаем, Игорь! Колонна должна подойти к тебе минут через двадцать!

– Принял.

– До связи, Стрела!

Вьюжин переключил станцию на подчиненных, объявив полную готовность группы для проведения штурма колонны с оружием. Наступило кратковременное затишье, прерываемое веселым щебетом множества птиц. Майор достал имитационную гранату и заряд ослепляющего действия. Положил их рядом с собой. Закурил. На перекур у него еще было время.

8.23. Вьюжина вызвал Дубов:

– Стрела-1, я – Стрела-4. Только что мимо моей позиции прошли две машины.

– Принял!

Командир группы отключил рацию и взглянул на прямой участок дороги. Увидел вышедшие из поворота «КамАЗы». Они шли медленно, надрывно ревя дизелями. Вьюжин приготовил заряды. Грузовики приближались. До переднего оставалось метров пятнадцать.

Вьюжин бросил в эфир:

– Начали!

И метнул имитационную гранату вместе с ослепляющим зарядом. Раздался громкий хлопок, затем последовала ослепительная вспышка. От неожиданности водитель впереди идущего «КамАЗа» резко нажал на тормоз. «КамАЗ» остановился. Встала и вторая машина. Дубов, вышедший из леса, вскинул снайперскую винтовку. Задние пологи откинулись, и прапорщик нажал на спусковой крючок. Охранники из кузовов выпали на дорогу. Одновременно с флангов по боевикам, находившимся в кабинах, открыли прицельный огонь бойцы боевых двоек Мамаева и Буракова. Три выстрела, и оба водителя со старшим передней машины уткнулись окровавленными черепами в переднюю панель. Невредимым остался только тот, кто сидел на месте старшего во втором автомобиле. Он успел только дверь открыть и передернуть затворную раму своего автомата. Старший лейтенант Гончаров выбросил боевика из кабины, приставив ко лбу глушитель своего «вала».

– Лежи спокойно, сволочь! – Передал в эфир: – Стрела-1, я – Стрела-33. Старший второй машины обезврежен.

– Он цел?

– Отряхнется, как новенький будет!

– Все к машинам, – передал по связи приказ Вьюжин. Затем подошел к плененному начальнику колонны и спросил: – Ты Рудольф?

– Я! Рудольф Каранов! – ответил боевик.

Вьюжин кивнул Гончарову на бандита:

– Саша! Обыщи его, да аккуратней, особенно с радиостанцией!

– Я все понял, командир!

– Давай! Потом ко мне его!

Подошедшим бойцам майор приказал:

– Трупы боевиков в кусты, в кучу. Начальство разберется, что делать с ними дальше. Выполнять!

Офицеры разошлись по машинам.

Гончаров подвел к Вьюжину плененного главаря:

– Рация при мне, командир! Действует в режиме приема-передачи.

Майор спросил бандита:

– Успел послать своим поделщикам на базе сигнал об опасности?

Рудольф отрицательно покачал головой:

– Нет, начальник! Не до этого было. Вы налетели так внезапно!

– Смотри! Обманул, расстреляю к чертовой матери! Без суда и следствия!

– Клянусь, не обманул.

– Где находится база?

– В сорока километрах отсюда!

– Сколько человек у Медведя?

Каранов удивленно взглянул на Вьюжина:

– Вы знаете начальника базы?

– Нет, но надеюсь совсем скоро познакомиться с ним. Вот только сомневаюсь, что он будет рад этому знакомству. Так сколько?

– Четырнадцать, не считая самого Медведя.

– Ты был ранее на этой базе?

– Был!

Майор достал из планшета карту:

– Укажи точное место дислокации базы!

Пленник выполнил распоряжение, показав, что прекрасно читает карту.

Вьюжин передал ему чистый лист бумаги и карандаш:

– Быстро составь подробную схему, крестами отметь, кто и где из бойцов Медведя может находиться в момент прибытия колонны.

– Понял! Схему составляю, а вот насчет охраны достоверных данных не дам. Двое на въезде точно несут службу, шестеро ночной смены отдыхают, это тоже несомненно. Ну еще повар на кухне, а вот где будет Медведь и остальные бойцы, не скажу. Не знаю. Они могут быть где угодно!

– Указывай то, в чем уверен, с остальными разберемся! И давай пошевеливайся. У нас нет времени прохлаждаться здесь!

Бандит занялся схемой.

Бойцы спецназа очистили автомобили от трупов. Приняв от Каранова схему, Вьюжин быстро оценил обстановку. Подозвал офицеров. По чертежу Рудольфа поставил задачу на отработку лагеря, определив каждому персональный порядок действий. Дубову приказал посадить в первый «КамАЗ» Каранова, самому прапорщику занять место водителя. Отошел в сторону, включил рацию:

– Осу вызывает Стрела.

– На связи!

– Колонну отработал, начинаю движение к базе! Сообщи о результатах первого этапа акции Клинкову и двигай следом!

– Принял, Стрела!

В 8.45 машины продолжили подъем на перевал, уйдя за очередной поворот бесконечного серпантина. На всю акцию по захвату вражеской колонны ушло двадцать две минуты. Это отставание по времени следовало погасить в ходе марша.

Дубов вел «КамАЗ», у дверки устроился Вьюжин, держа на коленях «вал», положив на коврик «АК-74». Рудольф сидел между спецназовцами.

Когда проехали три километра, неожиданно сработала станция Рудольфа.

Вьюжин взглянул на боевика:

– Кто это может быть?

– Медведь! – ответил Каранов.

– Почему не Беглов из Апшеронска? У которого вы остановились на ночь?

– Тот, наверное, уже слинял из города, хотя...

– Ты прав, никто не даст ему покинуть усадьбу. Значит, Медведь?

– Да!

– Он должен общаться только с тобой или предусмотрен страховочный вариант?

– Только со мной. Надо отвечать, иначе Медведь заподозрит неладное. Он очень осторожный человек.

– Так отвечай! У тебя все в порядке! И помни предупреждение.

Вьюжин включил рацию бандита, передав ему станцию. Каранов ответил:

– Рудольф на связи!

Майор слышал разговор боевиков. Медведь спросил:

– Почему долго молчал? Что случилось?

– Ничего особенного, Медведь. Первый «КамАЗ» скат пробил, пока ставили запаску, я выходил из кабины. Сигнал услышал, находясь вне машины.

– Как же вы умудрились пробить скат?

– Ты не знаешь, по какой дороге мы едем? Хорошо, если еще раз не налетим на какой-нибудь острый, как лезвие, осколок камня!

- Ладно! Движение возобновили?
- Да!
- Кроме колес, проблем нет?
- Нет! Все нормально!
- Добро! Жду вас!
- Скоро будем!

Каранов, отключив станцию, протянул ее обратно Вьюжину, сказав:

- Медведю не понравился мой ответ, он наверняка приготовится к встрече колонны.
- Что ты имеешь в виду?
- То, что он будет готов к тому, что машины придут не с его людьми!
- Поднимет всю охрану?
- Не знаю! Но к отражению нападения подготовится.
- Почему не уйдет из базы?

– Потому как не уверен в том, что его подозрения имеют основания. Ему просто не понравился мой ответ, но пробой колеса на этой дороге дело обычное. Так что, с одной стороны, Медведь встревожился, с другой – причин для отхода у него нет. А посему с базы не уйдет, но встречать колонну будет, применяя страховочные меры. Какие, известно только ему!

– Пусть страхуется, – проговорил майор. – Главное, чтобы с базы не ушел! Хотя в принципе теперь мы его в любом случае достанем. Далеко не уйдет!

Рудольф вздохнул:

- Да! От вас не уйдешь! Интересно, кто сдал колонну? Неужели Беглов?
- А что, он мог?
- Черт его знает! Не должен был бы!
- Успокойся, никто вас не сдавал. В этом не было никакой необходимости.
- Разведка?
- Догадливый! Но все, молчи! У меня нет желания с тобой разговаривать!
- Вы меня убьете? – неожиданно спросил Каранов.

Вьюжин, стараясь выглядеть безразличным, ответил:

- Посмотрим! Все зависит от того, как поведешь себя!

Рудольф опять вздохнул и, опустив голову, глубоко задумался.

Колонна медленно, но верно приближалась к базе боевиков. Вьюжина вызвал связист группы, находившийся в кузове:

- Первый, Рысь вызывает!
- Переключай!

Через секунду услышал:

- Стрела-1, я – Рысь-1. О захвате колонны Градовский доложил. Где находишься сейчас?
- Километрах в двадцати от базы!
- Местонахождение лагеря боевиков определил?
- Определил! Рудольф помог! Но на базе нас могут встречать совсем не гостеприимно!
- Из чего это следует?

Майор объяснил полковнику о предположениях Каранова. Клинков согласился с доводами бандита:

- Он прав, этот Рудольф! Будем менять план штурма базы, пока есть время?

– Не стоит! Судя по схеме, база представляет собой весьма ограниченный участок открытого пространства, а боевиков, считая Медведя, всего пятнадцать. Разместить их по варианту отражения внезапного нападения главарь банды может реально в трех местах, не считая передового поста при въезде на территорию. Отработать объект не составит особого труда!

– Смотри, Игорь, не переоцени собственные силы! И если что, сразу вводи в бой ребят из группы «Оса»!

– Разберемся, командир!

– Разбирайся! По окончании акции немедленный доклад мне! Все. До связи!

В 9.15 передний «КамАЗ» прошел крутой поворот и вышел на небольшой прямой участок дороги. Рудольф сообщил:

– За следующим поворотом – шлагбаум. Возле него обычно двое бойцов.

Майор сориентировался быстро:

– Садись на мое место! Караульные должны увидеть твою физиономию!

– Меня увидит один дозорный! – заметил Каранов. – Второй подойдет к водителю.

Майор спросил:

– Люди на базе знают боевиков колонны в лицо?

– Не всех! И не все! Но есть такие, кто знает водителей.

– Тем лучше! Меняемся местами!

Каранов пересел к двери, Выюжин устроился на сиденье над двигателем и взглянул на Дубова.

Прапорщик понял смысл взгляда командира и приготовил свой «винторез»!

Майор передал по колонне:

– Внимание всем! Как повернем, начинаем работать!

«КамАЗ» миновал этот последний перед выездом на секретную базу боевиков поворот и тут же уперся в закрепленный на дуноге ствол молодой сосны. Очищенный от веток, он заменял бандитам шлагбаум.

Охрана, услышав рокот приближающихся «КамАЗов», заняла позиции с обеих сторон дороги, недалеко от фанерной постройки, служившей бандитам чем-то вроде контрольно-пропускного пункта.

Дубов остановил «КамАЗ», демонстративно потянулся и открыл дверку, держа при этом винтовку между сидений.

Открыл дверь и Рудольф по распоряжению Выюжина. Сзади остановился второй «КамАЗ». Звук двигателя БТРа слышно не было. Либо Градовский, контролируя обстановку, остановил его, либо был далеко от базы. Проверить это майор уже не мог.

Охранники подошли к машине.

Тот, что находился справа, узнал Рудольфа и даже успел поздороваться. А тот, что был слева, застыл, удивленно глядя на Дубова. Он, видимо, знал водителей «КамАЗов».

Прапорщик улыбнулся и, выдернув из-за сиденья винтовку, выстрелил в голову боевика. Майор из «вала» свалил второго. Выстрелы прозвучали глухими хлопками. Выюжин, пристегнув наручниками Каранова к ручке панели, приказал:

– Вперед! Работаем!

Передний «КамАЗ», проломив шлагбаум, пошел на территорию, заходя к трем деревянным строениям, ограничивающим базу слева. Второй продолжил движение по дороге. Из его кузова выпрыгнул старший лейтенант Гончаров, который сразу же метнулся в сторону контейнера с опилками.

Остановив машины, спецназ выгрузился. Мамаев бросился к первому зданию, Лебеденко ко второму, Бураков к третьему. Выюжин с Дубовым заняли позиции возле «КамАЗа».

И все же Медведь в последний момент, скорее всего, поверил Каранову. Боевики, находившиеся на улице, не ожидали нападения, что позволило Гончарову двумя выстрелами снять сразу двоих бандитов. Одного, находившегося у автокрана, второго, сидящего в тракторе. Только двое боевиков, устроившихся на бревнах склада готовой продукции, среагировали на появление спецназа. Они увидели Гончарова и открыли по нему огонь из автоматов. Но были тут же поражены выстрелами Выюжина и Дубова, прикрывавших действия штурмовых двоек.

Мамаев находился в нескольких метрах от строения, когда из его окна по «КамАЗу», возле которого укрепились майор с прапорщиком, ударил автомат. Капитан потянулся было к

поясу с гранатами, но тут дверь хибары открылась, и в проеме показался парень в спортивном костюме, державший в руках «АК-74». Мамаев в доли секунды перехватил «вал» и очередью отбросил боевика внутрь строения. Выстрелил в окно, а затем нырнул в дверь домика, что спасло его от неминуемой смерти. Второй боевик, находившийся у окна и ожидавший противника, ударил по входу. Но стрелял он, рассчитывая на появление врага в полный рост. Поэтому пули вонзились в стену, не задев капитана, упавшего на труп убитого им парня.

Мамаев, перекатившись и прикрывшись телом бандита, выстрелил в боевика, успев заметить, однако, что бандит намного старше подельника и облачен в камуфлированный костюм, что вполне могло означать – цель сам Медведь. Посему ударил прицельно и выборочно, по ногам бандита. Тот рухнул на деревянный пол, выронив оружие и взыв от боли. Мамаев бросился на него и ударом автомата лишил сознания, после чего, перевернув, сцепил запястья наручниками. Обезвредив противника, капитан рванулся к двери.

У Лебеденко атака прошла без проблем. Во втором бараке он застал только повара, который поднял было автомат, но старший лейтенант опередил его, расстреляв возле самодельной печи со стоявшим на ней большим котлом. И так же, как Мамаев, вернулся к входу, заняв у него позицию.

А вот Бураков попал в переплет.

Отдыхающая смена из шести человек, услышав очереди, вскочила с топчанов и, разобрав оружие, заняла огневые позиции у двери и окон. Буракову не хватило каких-то двух секунд, чтобы забросать третий барак гранатами. Пули бандитов ударили ему в грудь. Капитан упал.

Вьюжин с Дубовым тут же перенесли огонь на караулку, но вынуждены были прекратить его и укрыться за колесами «КамАЗа» – боевики ответили плотной стрельбой. Ничего не могли сделать с бандитами и Мамаев с ребятами, так как были лишены возможности выйти на открытое пространство и атаковать барак с фронта – здание имело небольшие окна-бойницы со всех четырех сторон. Попал под обстрел и Гончаров, попытавшийся со своей позиции уже из «АК-74» накрыть очередью караулку. Вьюжин, выругавшись, вызвал Градовского:

– Оса! Ответь!

– Слушаю тебя, Стрела!

– Ты где находишься, Семен, черт бы тебя побрал?

– Проблемы, Игорь?

– Проблемы. Шестеро бандитов укрылись в караулке. С ходу уничтожить их не удалось.

Если применяют дымовую завесу, вполне могут уйти в лес.

Градовский ответил:

– Спокойно, Игорек! Я рядом. У караулки твоих ребят нет?

– Бураков. Его зацепило. И, похоже, не слабо. Лежит метрах в пятнадцати со стороны открытой площадки.

– Понял! Беру караулку на себя!

Вьюжин отключил станцию, припал к прикладу автомата, следя за баракom и пытаясь понять, жив ли Бураков. Тот не подавал признаков жизни.

БТР появился внезапно со стороны склада бревен. Вышел он, ломая посадку, прямо из леса. Оказавшись напротив барака, прикрыл лежащего Буракова, развернул башню в сторону караулки и открыл огонь по ней из крупнокалиберного пулемета. 12,7-миллиметровые пули стали крушить бревна в щепки, пробивая здание насквозь. Раздались крики. Это кричали боевики в караулке, попавшие под мощный обстрел БТРа. Двое из них успели-таки выскочить из барака через боковое, дальнее от дороги окно. Но высадившиеся ранее с бронетехники спецы группы «Оса» тут же уложили их, не дав уйти в лес. Затем они ворвались в поврежденное здание, в котором замолчал пулемет. Крики внутри караулки прекратились. Мамаев с Лебеденко бросились к Буракову. К счастью, тот был жив, но находился в состоянии болевого шока. Пули,

попав в бронежилет, не пробили его. Однако удар от их попадания вывел из строя капитана. На время. Оказав Буракову помощь, товарищи отнесли капитана к «КамАЗу».

Мамаев доложил Выюжину о раненом и о плененном в первом бараке боевике. Майор приказал Дубову вытащить из кабины Каранова. Градовский отдал распоряжение своим подчиненным зачистить территорию базы.

Выюжин, Мамаев и Каранов вошли в домик, где, придя в себя, скованный наручниками, корчился от боли в перебитых ногах боевик, облаченный в камуфлированную форму.

Майор спросил Каранова, указав на бандита:

– Кто это?

– Медведь! – ответил Рудольф.

– Угу! Прекрасно!

Бандит, преодолевая боль, зарычал:

– Каран, шакал, за сколько продался федералам? Но недолго тебе жить! Недолго. И смерть твоя будет страшна!

Каранов опустил голову.

Выюжин посмотрел на Мамаева:

– Молодец, Стас! Вот теперь вижу, что ты в полном порядке. Обезболить эту скотину, Медведя, вызови Дуба и погрузи в кузов «КамАЗа» главаря! Вместе с Карановым.

Рудольф вскричал:

– Нет! Только не вместе с ним. Медведь даже без ног и связанный достанет меня и перегрызет горло.

Но майор проигнорировал страх Рудольфа перед главарем банды:

– Ни черта он тебе не сделает! От Медведя осталась только шкура, да и то изрядно подпорченная. – И, повернувшись к Мамаеву, сказал: – Делай, Стас, как сказал! Я к Градовскому. Да «вертушку» сюда вызову. На базе она спокойно сядет!

Станислав ответил:

– Понял, командир! – Крикнул в окно: – Дуб! Иди сюда!

Прапорщик подчинился. Он вообще слыл дисциплинированным служакой. Служакой в хорошем смысле этого слова.

Выюжин прошел к Градовскому, устроившемуся на бревнах. Командиры групп закурили. Семен произнес:

– Ну вот и еще одно дельце провернули. Не ахти какое, но все ж склад с оружием и боеприпасами, доложу тебе, не хилый склад обезвредили. Ребята неподалеку нашли схрон, где столько стволов в ящиках лежит, что роту вооружить можно. И это не считая груза в «КамАЗах». Интересно, какая тварь рулила этим делом?

– Кто-нибудь из наших славных генералов.

– Да уж без лампасов здесь не обошлось. Хотел бы знать, вычислят оборотня или на тормозах дело спустят?

– Нам этого не узнать, и ты это прекрасно знаешь. Наше дело выполнить поставленную задачу и ждать очередного выхода на задание. Да это и к лучшему! Еще не хватало ломать голову, кто, где и над чем стоит, чем торгует и какой барыш имеет! Этим пусть контрразведка занимается.

Градовский усмехнулся:

– А чего тут ломать? Торгуют страной, бабки на этом имеют хорошие! С их же помощью и вверх по карьерной лестнице ползут. А вместо пенсии в Думу! Законы принимать да особняки и счета легализовывать. Все и так понятно! Только осточертела эта порнуха, сил нет!

– Так уволься! Такие, как мы, везде нужны! Будешь в какой-нибудь фирме начальником службы безопасности работать и бабки из хозяев выкачивать. Те за свою шкуру готовы хорошо платить.

Градовский взглянул на Вьюжина:

– Чего ж ты не подашься к хозяевам новой жизни, а продолжаешь за бандами охотиться?

– Да не приучен я, Семен, стелиться перед этими козлами!

– Вот как? А я, значит, приучен? Ты не можешь, а я могу в «шестерках» бегать? Думаешь, о чем говоришь?

Вьюжин обнял боевого друга:

– Извини, Сеня! Не хотел обидеть! Просто иногда приходит в голову мысль: а на хрена все это нам надо? Мне, тебе, ребятам нашим? Сколько банд уже передавили, а они по новой плодятся. Не сами же? Кто-то создает их! Вооружает! Так толку в этой бесконечной карусели, где на каждом вираже рискуем потерять голову? А кто-то в это время, откосив от службы, спокойно по вечерам телевизор смотрит, отдыхает, как человек!

Градовский выбросил окурок:

– Да, гадов на гражданке много. Но ты знаешь, Игорек, не завидую я им. И тебе не советую. Потому как главного они в жизни не узнают!

– Чего это?

– Да цену той же самой жизни! Так и будут пресмыкаться перед другими. Но ладно, пошли они к черту, пора сворачиваться.

– Ты прав!

Вьюжин позвонил связиста, приказав соединить его с командиром отряда.

Когда Клинков ответил, майор доложил о результатах акции, особо отметив ту роль, какую в захвате бандитской банды сыграла группа Градовского.

Полковник поздравил офицеров:

– Молодцы! Отдельное спасибо за то, что Медведя живым взяли.

Вьюжин ответил:

– Спасибо на хлеб не намажешь, Сергей Сергеевич!

– Очередной орден хочешь? У тебя на груди под награды место осталось?

– Осталось!

– Ну, тогда будет тебе орден! Все получают по заслугам. Составьте с Градовским представления к награде на всех участников акции!

– Вот это другой разговор!

– Разговор разговором, но вам на базе больше делать нечего. Давайте начинайте отход. Лагерем займутся фээсбэшники!

– А чего нам по лесу шараться? – сказал майор. – Я прямо сюда думаю вертолет вызвать! Градовский на БТРе уйдет!

– Место под посадку «вертушки» есть?

– Более чем достаточно!

– Хорошо! Вызывай борт и в часть! Завтра письменно составишь доклад о проведенной акции. Семену передай, чтобы сделал то же самое. К обеду нужно отправить информацию в штаб!

– Есть, товарищ полковник!

– Давайте! Еще раз благодарю за службу!

– Да не за что!

– Не слышу правильного ответа.

– Служим Отечеству!

– Вот это другое дело! До встречи, мужики!

– До встречи!

Группа «Стрела» вернулась в часть в 16.30. Настроение у офицеров было хорошее. Шутили, вспоминали отдельные эпизоды операции. Как всегда после успешно и без потерь проведенной боевой акции. Шутил вместе со всеми и Мамаев. До того как не сошел по трапу

на бетонку вертолетной площадки. Только сейчас он вдруг остро осознал то, что дома его на этот раз никто не ждет. Ни недовольная, капризная, но все же любимая Елена, ни радостная дочка Настя. Лишь пустые комнаты его служебной квартиры. Настроение испортилось. Это заметил Вьюжин. Он подошел к капитану:

– Чего, Стас, невесел, чего голову повесил?

– А то ты не знаешь!

– Знаю! Но что поделать, раз так сложилось? Тебе переболеть надо. Тяжело будет, но надо. А там, может, еще не все потеряно? Ну, поживет Лена у родителей. А потом вернется! И все встанет на свои места!

– Нет, командир! Ничего уже никуда не встанет. Ладно, сдаем оружие и на отдых?

– Да! До утра!

– Тогда я пошел!

Сдав оружие в казарме, капитан пошел в сторону городка. У кафе остановился. Недолго думая, зашел, выпил двести граммов водки. В магазине купил еще литр. В этот вечер он напился до беспамятства. Водка свалила боевого офицера, лишив боли, рвущей душу. Но лишив, к сожалению, лишь на время. Весьма короткое время. Чтобы утром, с похмелья, еще сильнее ударить по нервам.

Глава 3

Черная «Ауди-8» шла по Ленинградскому шоссе с большой скоростью. В воскресенье, да еще в восемь утра, трасса была свободна. На заднем сиденье дремал сотрудник аппарата правительства, он же член совета директоров крупнейшей нефтяной компании «РЧЗ» Шлемов Александр Степанович. Хотя водитель не раз уже возил шефа по этой дороге, он внимательно следил за ней, дабы не пропустить нужный поворот в лесной массив. В сорока километрах от Москвы водитель сбавил скорость и вскоре повернул направо на узкую ровную асфальтированную дорогу. Шлемов проснулся. Тут же закурил и спросил водителя:

– Как дела, Паша?

– Нормально, Александр Степанович, скоро будем на месте.

Шлемов выпустил струю дыма в потолок иномарки. Достал из кейса сотовый телефон. Нашел в памяти мобильного нужный номер, нажал клавишу вызова. Ему ответили почти сразу:

– Доброе утро, Саша! Подъезжаешь?

– Подъезжаю, Григорий Савельевич! Уже свернул с трассы. Остальные гости не подъехали?

– Пока нет. Вероятно, следуют за тобой!

– Понятно! До встречи!

Шлемов отключил телефон.

То же самое сделал в уютной усадьбе, что приютилась на берегу озера, метрах в пятистах от крайних дворов деревни Подречье, Григорий Савельевич Самаранов, в недалеком прошлом командующий одним из военных округов Министерства обороны, генерал-полковник запаса, ныне почетный пенсионер, не утративший в свои шестьдесят четыре года ни воинской выправки, ни прекрасной физической формы. Поэтому немудрено, что после смерти супруги генерал недолго ходил в холостяках и вскоре женился на длинноногой красавице Алле, которая в свои двадцать два года не то что в дочери, во внучки годилась Самаранову. Бывший командующий понимал, что Алла вышла за него не по любви, какая тут, к черту, могла быть любовь, а по расчету. Но данное обстоятельство нисколько не смущало генерала. Собственных детей у него не было, да и других родственников тоже, разве что каких-нибудь дальних, ему неизвестных. Алла в сексе доставляла Самаранову огромное удовольствие, а большего от нее и не требовалось. Да и недолго ей в супругах богатенького «старичка» ходить. Год от силы. Потом генерал поменяет ее. И будет менять баб, пока те не перестанут его интересовать. Это не с покойной Марией. С ней Самаранов прожил сорок лет. Любовницы у генерала были и при живой супруге, но любил Григорий Савельевич только одну Марию. Всю жизнь любил, что не мешало Самаранову изменять ей! Воскресное утро выдалось солнечным. Можно было и рыбалку организовать, но существовали дела поважнее. Дела, которые сулили либо власть, огромную власть, либо плаху. К власти Самаранов стремился всю свою сознательную жизнь, плахи не боялся, так как утратил чувство страха в Афганистане, где четыре года поочередно командовал батальоном и полком. Оттуда кавалером четырех боевых орденов, в должности начальника штаба дивизии уехал в Москву, в Академию Генерального штаба. Потом были дивизия, армия, штаб округа и, наконец, сам округ, а с ним и звание генерал-полковника. Самаранов мог бы продвигаться и дальше, но оказался ненужным тем, кто в девяностых годах перевернул страну, которой он присягал на верность, с ног на голову, разрушив все, чем дорожил боевой офицер. Его отправили на почетную пенсию, выделили квартиру в столице, дачу в ближайшем Подмосковье. И забыли. Но Самаранов не забыл ничего. Он и сейчас был готов вести борьбу, дабы вернуть все у него отнятое. Поэтому и собирал в собственной усадьбе, построенной на деньги влиятельных лиц, недавно созданный комитет «Реванш», главной целью которого являлась организация военного переворота в стране. Ни больше ни меньше! Идея, казалось бы, бредовая, но это

с первого взгляда. На самом деле Самаранов знал, что делает. Вот только те, кто поддерживал генерала, даже не догадывались о том, что уважаемый Григорий Савельевич и не думал пахать на спонсоров, а вел собственную игру, главная роль в которой отводилась ему. И если заговор удастся, первыми жертвами переворота станут именно те, кто заговор задумал, выбрав Самаранова орудием для достижения своих целей. Да вот только орудие должно превратиться в хозяина. А хозяин волен поступать со своей собственностью как пожелает! Но об этом никто не догадывался. Даже члены комитета «Реванш», ставленники лиц, стремившихся захватить власть, используя при этом бывшего командующего военным округом. Только одному человеку из этого комитета, введенному в него самим Самарановым, Григорий Савельевич мог доверять. И он доверял ему, командиру N-ского армейского корпуса генерал-майору Петру Георгиевичу Федину, своему бывшему подчиненному еще с Афгана. Федин в батальоне Самаранова служил ротным. И своему продвижению по службе был обязан Самаранову. Петр Георгиевич умел быть благодарным и преданным, что доказал на деле не раз и не два. Своему благодетелю и бывшему начальнику он подчинялся во всем.

Со двора позвонил Леонид, адъютант Самаранова, он же водитель принадлежавшего отставному генералу «Мерседеса-600».

– Григорий Савельевич, прибыл господин Шлемов.

– Пусть поднимется в кабинет, дорогу знает! – распорядился Самаранов.

В кабинете мужчины встретились.

Вскоре подъехали и остальные члены комитета «Реванш» – владелец банка КБ «НПБ» Костельский Давид Львович и председатель политической партии «Русь Великая» Пегин Родион Максимович. Партии не особо влиятельной в стране, но не относящейся к силам, которыми действующая власть могла пренебрегать. «Русь Великая» пропагандировала идеологию левого толка, объявив главной целью создание реформированного социалистического государства, отвергая при этом утопические идеи коммунизма. Другими словами, Пегин со своими сторонниками, официально находясь на «левом» поле большой политики, фактически балансировал между правыми и коммунистами, обещая в случае победы на предстоящих парламентских выборах бедным – достаток, богатым – процветание бизнеса! Мутная политика приносила свои дивиденды. «Русь Великая» имела поддержку как немалой части обездоленного общества, так и финансирование ряда крупных бизнесменов.

Последним, объяснив опоздание уважительными причинами, объявился комкор Федин.

Как только комитет собрался в полном составе, Самаранов пригласил гостей пройти в комнату совещаний, где и начал плановый совет нигде и никем не зарегистрированной организации, именуемой среди участников тайного общества комитетом «Реванш»!

– Господа, мы собрались здесь, чтобы проанализировать обстановку, складывающуюся в стране, на основании чего должны решить, корректировать ли нам наши планы или оставить их неизменными. Слово для доклада предоставляется Александру Степановичу Шлемову.

Сотрудник аппарата правительства кашлянул, прикрыв рот надушенным дорогим одеколоном платком:

– Обстановка в стране на данный момент может быть оценена как практически стабильная. Те решения, что принимаются правительством, воспринимаются в обществе, я имею в виду уровень обывателей, либо безразлично, либо негативно. Позитив проявляют лишь представители крупного бизнеса и чиновничий аппарат.

Самаранов прервал докладчика:

– Одного не могу понять, в правительстве сидят люди далеко не глупые, почему же они, несмотря на недовольство народа, продолжают вести политику, названную в свое время политикой шоковой терапии? И ладно, если эти реформы приносили бы положительные результаты. Но получается как раз наоборот. Первая реформа провалена, вторая провалена, третья на грани провала. Пора бы задуматься, но власть объявляет следующий, так же заведомо про-

важный проект. Доходы от продажи нефти и газа направляют не на социальные программы, не в экономику собственной страны, а вкладывают в какие-то забугорные бумажки. Нам это, несомненно, на руку, но почему правительство поступает как самоубийца?

Подал голос генерал Федин:

– Считаю, что нынешние власти, предвидя неизбежный крах созданной ими системы, обеспечивают собственный отход из страны и создание за рубежом правительства в изгнании. Поэтому и увозят деньги за рубеж. Осуществлять-то там свою деятельность они на что-то должны будут? Вот и используют и золотовалютный запас, и стабилизационный фонд.

Шлемов согласился:

– В словах уважаемого генерала, несомненно, есть логика. Возможно, он прав. Но углубляться в тему, отражающую состояние, а тем более что-то прогнозировать нам не стоит. Это вопрос сложный, неоднозначный, а главное, его обсуждать можно бесконечно. Основной вывод, который я хотел бы сделать, – экономика страны находится в полной зависимости от цен на нефть, а следовательно, в любой момент она может обрушиться, и тогда в стране наступит кризис.

Самаранов произнес:

– С этим ясно! – Он взглянул на Пегина: – Что у нас в политике, Родион Максимович?

Председатель партии ответил:

– Экономика, как и война, кстати, – продолжение политики. Это известно всем. Все беды экономики заложены в политических просчетах. Последний опрос населения показал резкое падение рейтинга правящей партии и рост популярности оппозиции. Другое дело, что в самой оппозиции нет единства, чем и пользуется власть. Революционная ситуация в стране сложилась окончательно. Народ готов к открытому неповиновению. Протестные настроения отмечены во всех регионах, включая Москву и Питер. Начало очередной реформы реально может взбудоражить население. Однако утверждать, что это выльется в бунт, я не могу. Общество раздроблено, угнетено, и нет сильного лидера, который повел бы его против власти.

Самаранов спросил:

– А ты с «Русью Великой» можешь поднять народ на мятеж?

– В отдельных регионах да! Но не более того.

– А более и не требуется. Выборы в парламент у нас через год. Готовь свою партию к акциям неповиновения.

– На это потребуются немалые средства.

– Они есть, и ты, Родион Максимович, их получишь. Давид Львович обеспечит поступление достаточно крупных средств на счета партии через свой банк. Ведь так, господин Костельский?

Лысый банкир кивнул:

– Так, Григорий Савельевич! Проводку денег я обеспечу!

– Хорошо! – проговорил Самаранов и обратился к Федину: – Каковы настроения в нашей славной армии, Петр Георгиевич?

Генерал-майор в отличие от других поднялся со своего места:

– Настроения, в общем, те же, что и во всем обществе. Офицеры недовольны мизерной зарплатой, отсутствием жилья, постоянным обливанием грязью Вооруженных сил в средствах массовой информации. Недовольство проявляется и в отношении высшего командования. Насколько мне известно, всеармейское офицерское собрание намерено выразить недоверие самому министру.

Самаранов поинтересовался:

– Как, по-твоему, генерал, поведет себя армия, если в стране начнутся массовые беспорядки?

– Считаю, что беспорядки расколют и офицерский корпус на противоположные лагеря. Но то, что подавлять мятежи армия сейчас не станет, точно! Впрочем, для этого существуют внутренние войска МВД.

– Но армия может перейти на сторону мятежников?

– В случае применения карательных мер со стороны МВД, если внутренние войска или милиция станут стрелять в свой народ, часть ее сможет перейти! В целом же обстановка, как уже было сказано, сложная, противоречивая.

– Ты контролируешь корпус?

– Конечно!

– Достаточно! Сядь!

Федин опустил в свое кресло. Самаранов поднялся:

– Итак! Что мы имеем на данный момент? Невнятную и непрофессиональную политику действующей власти, пока еще действующей на плаву благодаря исключительно личному авторитету президента. Недовольство этой политикой большинства населения страны, в том числе Вооруженных сил, что позволяет утверждать о наличии в России революционной ситуации. Отсутствие перспектив на улучшение жизни обычных граждан в обозримом будущем, что разделило общество на три категории. К первой относятся те, кто смирился со своей участью и плюнул, грубо говоря, на все происходящее в государстве, создав тем самым слой нищих, не претендующих на повышение собственного статуса и равнодушных к любым изменениям в стране. Эта категория пассивна и, в общем, нейтральна. Ко второй можно отнести людей, не желающих мириться с тем, что из них хотят сделать рабов. Это активная категория, готовая выступить на защиту своих прав. Интеллигенция, еще не деградировавшая часть общества, армия и представители малого, возможно, и среднего бизнеса. И, наконец, третья категория людей, поддерживающая существующий режим. Практически все чиновничество на всех уровнях представительской и исполнительной власти, прикормленная, элитная часть интеллигенции и, естественно, преданный, олигархический бизнес. Третья категория так же активна и так же готова защищать свои интересы. Этой категории изменения курса политики не нужны! Что из всего вышесказанного следует? То, что мы имеем в создавшейся обстановке реальные шансы воплотить в жизнь наши планы. Однако наличие второй и третьей категорий граждан не позволяет рассчитывать на успех, если проводить наши планы законным путем. Понятно, что «Русь Великая» не только не наберет достаточно голосов на предстоящих выборах, позволивших бы ей составить большинство в Государственной думе, но вряд ли преодолит установленный процентный барьер, дабы просто получить места в Законодательном собрании. Своего кандидата в президенты мы выдвинуть можем. От той же партии. Но он станет слабой тенью преемника президента, если станет ею вообще. Всеобщий бунт так же невозможен. А посему решение может быть одно – захват власти путем переворота.

Пегин воскликнул:

– Но откуда на переворот мы возьмем силы? Не корпусом же господина Федина будем атаковать Кремль?

Самаранов спокойно ответил:

– Я не намекаю, уважаемый Александр Степанович, а утверждаю, что при благоприятных для нас условиях мы захватим власть в стране. И без крови! То есть выполним то, что задумали. Но для этого требуется корректировка общего плана. Ею я займусь сам! Вы же работайте в оговоренном ныне режиме. Пегин готовит протестные акции, Давид Львович занимается банком в плане перегона денег из-за рубежа на счета Пегина, Федин продолжает командовать корпусом, вы же, Александр Степанович, анализируйте состояние дел в правительстве и продолжайте продвижение к должности президента компании «РЧЗ». В этом вам помогут люди, что стоят над нами! С Лондоном связь я поддерживаю постоянно. А посему все ваши

плановые мероприятия по компании немедленно поддержат. На этом совет объявляю закрытым и приглашаю в столовую, позавтракать.

Но члены мятежного комитета от завтрака отказались, сославшись на неотложные дела в Москве. На выходной у каждого были свои планы, и терять время они не желали.

Заговорщики спустились во двор.

Самаранов сказал Федину:

– Задержись, Петя! Проводим высоких гостей, поговорим отдельно!

Комкор подчинился.

Как только из усадьбы отбыли «Тойота» Костельского, «Вольво» Пегина и «Ауди» Шлемова, Самаранов предложил Федину прогуляться по аллее небольшого парка, раскинувшегося за особняком бывшего командующего военным округом. Федин согласился, отказать все одно не мог.

Шагая по аллее, Самаранов спросил бывшего подчиненного:

– Надеюсь, Петя, тебя не утомил весь этот разговор с господами мятежниками?

Федин взглянул на начальника. В его взгляде читалось искреннее удивление.

– Что-то я не понял вас, Григорий Савельевич!

Самаранов усмехнулся:

– Не понял? А все между тем просто. То, что ты слышал в комнате совещаний, пустая болтовня! Костельский, Пегин, Шлемов – люди босса – Марканова Игоря Владленовича, который так стремится угнездиться в Кремле. И нас с тобой считает лишь пешками в своей большой игре. А сам идиот идиотом! Только конченный болван может в настоящее время рассчитывать захватить власть путем открытого государственного или военного переворота.

Федин опешил:

– Что тогда означала ваша речь?

– Ничего, Петя! Спектакль для Марканова. Уверен, наши гости наперегонки сейчас мчатся в загородную резиденцию Игоря Владленовича, чтобы доложить боссу о том, что обсуждалось на совете.

– Ничего не понимаю!

Самаранов вздохнул:

– Хорошо, Петя! Не буду интриговать тебя. Пора раскрыться. Дело в том, что я не собирался участвовать в аванюре босса. Во-первых, это пустая затея, обреченная на провал со всеми вытекающими достаточно печальными последствиями, а во-вторых, власть в стране возьмем мы с тобой! И безо всяких заговоров, мятежей, массовых беспорядков.

Федина шокировали слова начальника.

Самаранов усмехнулся:

– Ну что ты застыл, как столб, Петр?

– Я... я... чувствую себя круглым идиотом!

– Перестань! Сосредоточься и ответь мне на вопрос, ЧТО реально может заставить президента и правительство уйти в отставку?

Федин пожал плечами:

– Не знаю!

– Угроза, Петя! Банальная угроза. Только ядерная!

Комкор переспросил:

– Ядерная?

– Да, Петя, ядерная! Насколько мне известно, у тебя в корпусе на территории одного из мотострелковых полков дислоцируется дивизион ракетных войск стратегического назначения!

– Откуда у вас эта совершенно секретная информация?

– Не такая уж она совершенно секретная, как видишь! Но это не важно! Так стоит у тебя ракетный дивизион?

– Да! Но его командир подчинен командованию ракетных войск стратегического назначения.

Генералы подошли к беседке. Самаранов указал на нее:

– Присядем?

Устроившись в беседке, Самаранов продолжил:

– Итак, мы имеем ракетный дивизион. Что он собой представляет?

Федин ответил:

– По документам он числится как склад «НЗ» корпуса. Личный состав размещен в закрытом городке в ста двадцати километрах от Москвы и в сорока от райцентра Коростылево, где базируется один из полков корпуса. В лесу, на удалении в десять-двенадцать километров, в ангарах стоят четыре мобильные установки с ракетами нового поколения «струна-М», а также два комплекса «дьявол-03», новейшие, только что прошедшие секретные испытания комплексы. Вооружение дивизиона не имеет аналогов в мире. Пробивает любую противоздушную оборону, в том числе и отечественную. Ракеты установлены на восьмиосные «МАЗы», или «Ползуны». База с востока и запада окружена непроходимыми болотами. Комплексы могут выйти только по двум дорогам, на райцентр и в глубь лесного массива, где оборудованы стартовые площадки запасного района дивизиона. Но они еще ни разу не уходили с базы.

Самаранов спросил:

– Каковы тактико-технические характеристики комплексов?

– «Струна» несет боеголовку в 600 килотонн. На трех машинах ракеты, на одной учебная, с обычной болванкой контрольно-учебного пуска. На «дьяволах» боеголовки в 650 килотонн. Дальность полета «струн» пятнадцать тысяч километров, «дьяволов» – двадцать тысяч. Гиперскорость. Полет осуществляется в режиме полета крылатой ракеты на предельно малой высоте.

Самаранов не ожидал, что Федин ответит на поставленный вопрос, так как командир корпуса не обязан знать тактико-технические характеристики ракет дивизиона стратегического назначения. Поэтому поинтересовался:

– Откуда у тебя эта информация?

– Я в хороших, можно сказать, дружеских отношениях с командиром дивизиона.

– И кто он?

– Полковник Табанов, Виктор Михайлович!

– Семья?

– Жена Людмила, сын Аркадий пятнадцати лет! А зачем вам это?

Самаранов, проигнорировав вопрос подчиненного, задал собственный:

– Почему Табанов сообщил тебе секретную информацию? Он сам завел разговор о вооружении дивизиона?

– Да! Как-то отдыхали вместе, выпили, разговорились. Он и поведал мне о «струнах» и «дьяволах», пожаловавшись, что с этой проклятой службой жизни не видит!

– Он пьет?

– Со мной выпил!

– Много?

– Литр на двоих раздавили!

– И про службу так и сказал, что жизни из-за нее не видит?

– Что-то в этом роде!

Самаранов задумался. Затем задал очередной вопрос:

– Как думаешь, Петя, купить Табанова можно?

– Купить?

– Да, купить. В прямом смысле!

– Не знаю, вряд ли. В РВСН подбирают людей надежных, проверенных, хотя... сейчас... черт его знает!

– А семьей он дорожит?

– Это да! Жену любит. Но об их отношениях в семье ничего не знаю, Виктор о них особенно не распространялся.

– Понятно!

До Фебина наконец дошло, что имел в виду Самаранов под ядерной угрозой и почему так заинтересовался ракетным дивизионом и особенно его командиром. Спросил:

– Вы хотите как-то использовать ракеты дивизиона Табанова?

– Вот именно, Петя! Ты представляешь, какие козыри мы получим, если дивизион перейдет к нам?

– Но он наверняка защищен блокадой пусков ракет из столицы!

– Естественно. Но блокаду можно и снять?! Как думаешь, генерал?

– Не знаю!

– Вот что, Петя! Мне нужно поговорить с Табановым. Как хочешь, но ты должен организовать встречу с ним! Где угодно и когда угодно! Чем быстрее, тем лучше!

Федин замялся:

– Ну, не знаю! Обещать не могу!

– А стать, скажем, премьер-министром или вице-президентом России хочешь?

– Премьер-министром? Я?

– Да, ты! Генерал-майор Федин. Впрочем, тогда ты уже будешь генералом армии как минимум, хотя погоны будут не нужны.

– Вы действительно считаете, что можно захватить власть в стране?

– Пиночет же в Чили смог? И ничего, правил лучше любого гражданского! Потому, что за ним была армия. И за нами будет армия. Лишь бы взять эту власть. А там такой порядок наведем, народ нас на руках носить будет! Власть, Петя, – это все! Понимаешь, все!

– Понимаю!

– Так сможешь организовать встречу с Табановым?

– Постараюсь!

– Постарайся, Петя, очень постарайся! Устроишь встречу – тридцать тысяч баксов твои! Только за встречу! Независимо от того, как она пройдет и чем закончится!

– Даже так?

– Даже так, генерал!

– Что ж, попробую! Вас представлять?

– Не надо! Сам представлюсь! А чтобы тебе легче работалось, идем, я тебе кое-что передам!

Из усадьбы Федин уезжал, имея в кейсе десять тысяч американских долларов аванса! И был Петр Георгиевич весьма доволен. Он успел подружиться с полковником-ракетчиком и его супругой, женщиной капризной, самолюбивой, мечтающей о красивой, обеспеченной жизни и не раз упрекавшей мужа в том, что он не может дать ей то, что она заслуживает. А она бы могла иметь желаемое, свяжи свою жизнь с другим мужчиной. Табанов же больше всего на свете боялся потерять жену. Эта потеря означала бы его смерть. В прямом смысле. Так что обработать Табанова, как представлялось Федину, не составит особого труда. Он мог, конечно, ошибаться, но не ошибся!

Уже в 20.00, чего никак не ожидал Самаранов, раздался звонок Фебина:

– Добрый вечер, Григорий Савельевич!

Недовольный тем, что его отвлекли от любимого занятия, а вечерами бывший советский военачальник любил читать мемуары главарей III рейха, считая их образцом в управлении государством, Самаранов спросил:

– Ты что-то забыл у меня, Петр?

– Нет, не забыл, я по поводу известного вам полковника звоню!

Сразу же напрягшись, отставной генерал отбросил книгу Геринга:

– И что?

– Он согласился на встречу!

– Как тебе это удалось? И так быстро?

Федин объяснил:

– А он пришел ко мне с супругой как раз, как только я вернулся от вас. У Людмилы, оказывается, сегодня день рождения. Выехали в охотничий домик, шашлык, водочка, ну и поговорил я с ним.

– Он что, сразу согласился?

– Нет, сначала удивился, потом вами интересовался, спрашивал, кто вы и что хотите.

– Надеюсь, ты не раскрыл, кто я?

– Конечно, нет! Просто представил как очень авторитетного, влиятельного человека.

– Это ты правильно сделал. И когда полковник готов встретиться со мной?

– Завтра, девятого числа, он выезжает в Москву к начальству. На обратном пути, где-то после обеда, будет свободен.

Самаранов встал из кресла, прошелся по кабинету:

– Так, так, так! Завтра после обеда! А чем ты в это время намерен заниматься?

– Да ничем особенным! Текущими делами.

– Полковник поедет в столицу один? Или с сопровождением?

– С водителем!

– Так, водитель наверняка человек контрразведки, он не должен знать о предстоящей встрече. Так! Пусть Табанов определит место randevu. Мне нужно знать только, во сколько и где именно. Ты понял задачу?

– Понял! Сейчас же свяжусь с Табановым! Хотя нет, лучше поутру!

– Это тоже правильно. А ты неплохо умеешь отрабатывать деньги, Петя! Не ожидал от тебя такой прыти!

– Да все случайно вышло, Григорий Савельевич.

– Случайности либо сулят крах, либо ведут к победе. Будем надеяться на второе. Кстати, сколько лет исполнилось супруге полковника?

– Тридцать пять!

– Как ее по батюшке?

– Михайловна.

– Какие подарки предпочитает уважаемая Людмила Михайловна?

Федин усмехнулся, и это было хорошо слышно в динамике телефона:

– Дорогие, Григорий Савельевич. Чем дороже, тем лучше.

– Я понял тебя. Благодарю за службу. С утра жду звонка!

Самаранов отключил сотовый и задумался. Супруга командира ракетного дивизиона любит дорогие подарки. Это очень хорошо! Что ж, получит к своему тридцатипятилетию подарок. Да и сам комдив обделен не будет. Лишь бы он согласился на сотрудничество. Лишь бы согласился. Тогда перед Самарановым откроются такие перспективы... но достаточно мечтать. Мечты – удел молодых романтиков. В деле же Самаранова романтикой и не пахло. Да и молодым его назвать нельзя. Генерал попытался продолжить чтение, но не смог. Мысли путались в голове. Он выпил приличную дозу коньяку и отправился в спальню к длинноногой жене, приехавшей из столицы в два часа. Они бурно провели время после ее приезда. Но после звонка Федина и выпитого коньяка Самаранов вновь почувствовал желание овладеть развратным, но таким привлекательным и зовущим к себе, пока еще зовущим телом супруги. Она, лежа на широкой кровати спальни комнаты, смотрела по видеодвойке порнографический фильм. Как раз то, что было нужно. Отставной 64-летний генерал, сбросив с себя домашний халат, прилег

рядом с Аллой. Вскоре стоны, доносившиеся из динамиков видеодвойки, слились со стонами, издаваемыми супругой бывшего командующего.

Проснулся Самаранов от трели своего мобильного. Поднялся с постели, подошел к столу, где трезвонил телефон. Ответил по-военному:

– Самаранов слушает!

– Это я, Григорий Савельевич! – сказал в трубку Федин.

Бывший командующий взглянул на часы, 7.30. Рановато звонит комкор.

– Ну?

– Я насчет полковника! Говорить могу?

– Говори!

– Только что связывался с ним. Он подтвердил согласие на встречу.

– Где и когда я увижу его?

– Полковник предложил встретиться на Новом Арбате, возле Дома книги, в 15.00. Будет в форме, с кейсом в руке. Подъедет на такси.

– Отлично! Слушай, что надо сделать тебе. Необходимо выехать к штабу ракетчиков, где проконтролировать прибытие туда нашего полковника. И понаблюдать за его машиной, точнее, за водителем служебной машины, до момента прибытия Табанова после встречи со мной. Если же водитель покинет автомобиль, взять его под контроль.

Федин проговорил:

– Я сделаю все, как вы сказали, но перестраховка необязательна. Полковник сказал, что прапорщик-водитель его человек!

– Так думает полковник! Я же придерживаюсь иного мнения. Так что действовать согласно полученным инструкциям. К делу можешь привлечь только верных людей, не раскрывая замысла задачи, которую им поставишь. Ясно, Петр Георгиевич?

– Так точно!

– Выполняй! Я буду в назначенном месте и в назначенное время! До связи!

Самаранов отключил телефон.

Супруга, слышавшая обрывки разговора, спросила:

– И куда это ты собрался, милый? Уж не на свиданье ли с очередной проституткой?

– Алла, о чем ты говоришь? Какие могут быть бабы после тебя?

– Обыкновенные. Хотя нет, на обыкновенных ты и не помотришь. Какую-нибудь экзотическую черномазую красотку присмотрел?

– Прекрати! У меня деловая встреча!

Алла потянулась:

– Да что ты? Ну, тогда и у меня сегодня деловая встреча! И тоже в назначенном месте, в назначенное время! Вот так, дорогой!

Самаранов подошел к постели, где, выставив все свои прелести, лежала голая супруга. Она ехидно улыбнулась. Генерал вонзил в нее пронзительный и строгий взгляд. Взгляд, который в свое время заставлял трепетать боевых офицеров. Прощедил сквозь зубы:

– Сегодня ты не выйдешь из особняка! Даже во двор! И если еще раз позволишь себе говорить со мной подобным тоном, то я прикажу вывезти тебя на городскую свалку и отдать на растерзание грязным, вонючим и охочим до баб бомзам. И ты, дорогая, станешь одной из них! Поняла меня, сука?

Алла, сообразив, что муж не шутит, накрылась простыней и испуганно залепетала:

– Конечно, конечно, Гриша! Я и не думала никуда уезжать, просто покапризничала немного, не ожидая, что каприз вызовет у тебя такую реакцию.

– Больше... не капризничай... не стоит!

– Да, да!

Самаранов отправился в душ.

Ровно в 12.00 он на своем «Мерседесе» выехал из усадьбы, приказав одному из личных телохранителей следить за супругой. Черная иномарка выехала на Ленинградское шоссе и взяла курс на Москву. Миновав многочисленные пробки, «Мерседес» подъехал к престижному ювелирному салону. Водитель не без труда припарковал автомобиль. С каждым годом по Москве стало ездить все сложнее, а уж о том, чтобы остановиться там, где надо, и говорить не приходилось. Население охватил настоящий автомобильный бум, и машины, наверное, не покупали только ленивые. А что будет через год, второй? Впрочем, до этого все может кардинально измениться. Должно кардинально измениться.

Самаранов приобрел в салоне бриллиантовое кольцо. Вернулся в автомобиль. Открыл «дипломат», извлек лежащий поверх пачек сто долларовых купюр специальный сканер, положил вместо него бархатную коробочку с кольцом. Посмотрел на часы. 13.20. Время до встречи еще есть.

Вызвал Федина:

– Петя? Доложи обстановку!

– У меня все в порядке! В 10.30 полковник вошел в штаб и до сих пор не выходил из него, по крайней мере через центральный вход. Водитель «Волги», прапорщик, спит в салоне.

Самаранов спросил:

– По убытии в штаб начальника он звонил кому-нибудь?

– Нет! Перекусил бутербродами с чаем из термоса, не выходя из машины, и на боковую!

– «Волгу» не пасут со стороны?

– Нет! Я встретил ее на подъезде к столице и сопровождал до штаба. Полковник явился в Москву без сопровождения и внешнего наблюдения.

– Хорошо! Если что, звони, отбой!

Отключив телефон, приказал водителю, майору оперативного отделения штаба округа в прошлом:

– Давай, Леня, к Дому книги на Новом Арбате.

«Мерседес» вырулил со стоянки и с трудом втиснулся в транспортный поток, практически тут же вновь попав в пробку!

Самаранов выругался:

– Черт знает во что превратили столицу! А если где-то в центре кого-то хватил инфаркт или квартира загорелась? Как «Скорая» или пожарная доберутся до них?

Леонид пожал плечами:

– Если только по воздуху!

– Вот именно по воздуху! Власть городская куда смотрит? Неужели нельзя как-то упорядочить движение транспорта по Москве?

– А как упорядочишь, Григорий Савельевич? Не заставишь же людей не покупать машины, тем более дешевые, и ездить на метро?

– Надо заставить! Я бы заставил!

– Согласен! Но, к сожалению, вы не мэр!

Самаранов усмехнулся:

– Мэр? Да мне это мэрство и не нужно!

– Понятное дело. Вы птица иного полета!

– Вот именно! Давай выезжай на встречную полосу.

– А если менты?

– Плевать на ментов! Делай, что говорю!

«Мерседес», вырулив на относительно свободную встречную полосу Садового кольца, двинулся к Новому Арбату.

Леонид остановил автомобиль у обочины, где стоянка транспорта была запрещена. На дороге запрещена, а на тротуаре, где место для пешеходов, машин в два ряда.

Самаранов вышел из салона. К «Мерседесу» тут же подскочил инспектор ДПС, словно специально поджидавший иномарку. Потребовал немедленно убрать автомобиль. Самаранов окликнул милиционера:

– Лейтенант, подойдите ко мне!

– А в чем дело?

– Подойдите, узнаете!

Инспектор медленно подошел, спросил:

– И что я узнаю?

– Во-первых, то, что разговариваете с генерал-полковником запаса, вот мой военный билет. – Командующий протянул лейтенанту документ. Тот взял его.

Самаранов продолжил:

– Во-вторых, я хотел бы узнать, на каком основании так же у тротуара стоит джип, тот, что у вас за спиной, и, в-третьих, почему, в конце концов, тротуары забиты машинами? С каких это пор место, предназначенное для пешеходов, стало стоянкой?

Лейтенант ответил:

– Джип со специальным пропуском, а тротуары... на стоянку в этом месте есть разрешение.

– И кто разрешил подобное безобразие?

– Начальник управления генерал-лейтенант Федотов!

– Андрей Андреевич не мог отдать подобного распоряжения. Впрочем, я сейчас же свяжусь с ним и уточню ваши слова. Заодно проверим, что это за специальный пропуск навесил на свою «Тойоту» его владелец.

Лейтенант замялся. Это заметил Самаранов:

– Что занервничал, лейтенант?

– Не надо звонить Федотову!

– Не надо? Почему?

– Я не проверял пропуск! Возможно, он липовый, а тротуары действительно отвели под стоянку, дабы не загружать проезд до Белого дома, если пойдет правительственный кортеж!

– Значит, ради кортежа одного чиновника создали весь этот бардак?

– Но не я же?

– Ладно! Иди пропуск у джипа проверь. А насчет моей машины распоряжение получишь в любую минуту!

Инспектор послушно пошел к «Тойоте». Самаранов, потеряв интерес к лейтенанту, направился к цветочному киоску. Здесь продавали неплохие букеты. Женщина, составившая композицию, знала свое дело. Купив неброский, но изящно подобранный дорогой букет, генерал прошел ко входу в Дом книги. Ровно в 15.00 напротив за шеренгой машин остановилось такси. Из него вышел полковник-артиллерист с кейсом в левой руке. Обошел стоящие на тротуаре машины, остановился. Огляделся.

Самаранов подошел к нему, спросил:

– Полковник Табанов?

– Так точно! А вы тот, кто желал со мной встретиться?

– Да! Здравствуйте, Виктор Михайлович!

Сканер генерала молчал, не выдавал вибрационного сигнала, что означало – их разговор никто извне не прослушивал.

Самаранов бросил взгляд на часы:

– Удивляюсь, Виктор Михайлович!

– Чему же?

– Вашей пунктуальности! Прибыть в точно назначенное время при плотном движении по столице практически невозможно!

– Так получилось! Вы не желаете представиться?

– Григорий Савельевич. Фамилию назову позже, если не возражаете! И если в этом возникнет необходимость.

– Ради бога! Вы еще кого-то ждете?

Самаранов удивился:

– С чего вы это взяли?

– Букет! Не для меня же его приготовили?

Командующий рассмеялся:

– Не для вас, но я никого больше не жду! Букет предназначен вашей супруге, у нее же вчера был день рождения, не так ли?

– Да! Теперь все понятно!

Генерал добавил:

– Для нее приготовлен не только букет. Да и для вас лично тоже кое-что есть, но, думаю, разговаривать на улице не совсем удобно. Пройдемте в мою машину? Там нам никто не помешает. Заодно доедем до штаба.

Полковник ответил:

– Да, так будет удобно!

Самаранов указал на стоящий в одиночестве у тротуара «Мерседес».

– Тогда прошу!

– Крутая у вас машина, – заметил Табанов, – стоит кучу денег!

– Что такое деньги, Виктор Михайлович? Бумажки, которые не так сложно заиметь в достаточно большом количестве. Надо только знать, как сделать это!

Полковник вздохнул:

– Вот именно, знать!

– При желании можно все узнать. Человек всегда стремился к знаниям, такова его природа.

Разговаривая, сели в «Мерседес».

Самаранов, извинившись, вызвал по телефону Федина. В разговоре был краток:

– Как у тебя?

– По-прежнему!

– Хорошо! Жди! – И, отключив трубку, приказал водителю: – Давай, Леонид, к штабу ракетчиков. Заедешь с тыловой стороны.

– Понял!

Самаранов повернулся к Табанову:

– Теперь можно и поговорить. Дело у меня к вам имеется, полковник. Точнее деловое предложение.

– Я готов вас выслушать!

– Отлично! Курите?

– Да!

– Прощу!

Генерал извлек из кармана пачку дорогих американских сигарет. Пассажиры на заднем сиденье «Мерседеса», начавшего движение к Садовому кольцу, закурили. Самаранов переложил на колени «дипломат».

Глава 4

Во вторник, 10 августа, проснулся Станислав в шесть часов утра от тошноты, внезапно подступившей к горлу. Помучившись минут десять в надежде, что та отпустит, он не почувствовал себя лучше. Встал под душ. Голова болела. И, вообще, на душе было так мерзопакостно, что хотелось выть. Закончив водные процедуры, капитан навел порядок на кухне. Через силу позавтракал. Вышел на балкон. Закурил, но дым вызвал очередной приступ тошноты. Погасил окурок и выбросил его вниз. День обещал быть погожим, хотя на западе в небе зависли большие темные облака. Но ветра не было. Так что дождь если и подойдет к городку, то ближе к вечеру. Да, к вечеру, когда Мамаев вновь окажется в плену одиночества, захватившего его квартиру.

В 7.30 капитан вышел из дома и направился в подразделение. На аллее встретил Дубова. Поздоровались. Прапорщик, внимательно посмотрев на капитана, произнес:

– Плохо выглядишь, Стас! Пил, что ли?

– Пил!

– Из-за того, что Елена уехала?

– Дуб! Не лезь в душу. Без тебя хреново!

– Так выскажись, легче станет!

Мамаев указал на кафе:

– Легче, Серега, только после стакана станет!

– Ну это ты напрасно. Сам же прекрасно понимаешь, что водкой состояние только усугубишь.

– Понимаю, поэтому и иду с тобой в часть, а не в чипок.

– Может, Елена отошла? – сказал Дубов. – И жалеет, что уехала? Наговорила сгоряча ерунды всякой, а сейчас и не рада этому!

– Жалела, позвонила бы!

– А если звонила, когда мы на задании были? В тот же вечер. Но никто не ответил. Перезвонила ночью, и опять тишина.

– Она знала, что мы вылетаем на боевое задание! Поэтому звонить в тот вечер было бесполезно.

Но прапорщик не сдавался:

– Значит, сейчас думает, что ты еще не вернулся. Ведь обычно мы по неделям отсутствуем, это на этот раз все быстро закончилось!

– Что ты предлагаешь, Дуб?

– Неужели не ясно? Позвони жене сам. Тем более она увезла дочь, а с ребенком ты по закону имеешь право общаться!

– А чего ты так беспокоишься за меня, Сережа?

Прапорщик вздохнул:

– Так сопьешься ведь! И еще одним настоящим офицером меньше станет.

Капитан хлопнул Дубова по плечу:

– Ладно, прапорщик, позвоню!

Дубов улыбнулся:

– Вот это дело!

Капитан спросил:

– У тебя-то как на любовном фронте дела?

– Решил серьезно с Натальей поговорить! Если любит, пусть выходит замуж. Это ее учебе не помешает, а мне спокойней будет. С ребенком можно подождать, а вот со свадьбой нет! Хотя ты и советовал не торопиться с этим делом, я решил по-иному!

– Ну, решил так решил!

Подожли к казарме. Устроились в курилке, пока не собрался весь личный состав диверсионно-штурмовой группы. Вьюжин пригласил офицеров в кабинет, где подвел итоги операции, отметив слаженные действия подразделения, позволившие выполнить поставленную задачу. Объявил распорядок дня на вторник. Согласно распорядку, группе следовало отрабатывать вариант освобождения в условиях закрытого помещения заложника из рук террориста, вооруженного пистолетом. Террористом был назначен старший лейтенант Лебеденко, его жертвой связист Михайлов. Буракова, получившего травмы груди от попадания в бронежилет пули бандитов Медведя, от занятий освободили, хотя он вполне пришел в себя после болевого шока. Занятия провели до обеда, благополучно освободив «заложника» и уничтожив без проблем «террориста». На учениях это легко. После обеда Вьюжин разрешил группе отдыхать, так как его самого вызвал в отряд полковник Клинков. Офицеры в отсутствие командира все равно разошлись бы, так что лучше отпустить официально. По крайней мере соблюдалась дисциплина. Раньше Мамаев был бы рад полученному свободному времени, сегодня предоставленный отдых вызвал раздражение. Домой идти не хотелось, а больше некуда. Разве что в спортивный зал? Но сейчас состояние не позволяло занятия спортом. Все же похмелье мучило капитана. После обеда все пройдет, но только после обеда. А есть не хотелось, идти домой тоже. Может, зайти в кафе? Сегодня еще расслабиться, а завтра ни-ни! Да завтра уже и некогда будет. Наверняка Вьюжина не так просто вызвал Клинков. Возможно, предстоит новый рейд. В настоящее время капитан Мамаев предпочел бы самое сложное, смертельно опасное задание с любой степенью риска нахождению в городке батальона связи и особенно в собственной квартире. Итак, решено – кафе! Но не напиваться, как вчера! Выпить в меру, отвлечься! Вот только получится так, в меру? Вопрос.

После первой же рюмки водки Мамаев вспомнил разговор с Дубовым. Почему бы действительно не позвонить Елене? Ее мобильный номер забит в памяти сотового телефона капитана, известен так же и городской номер квартиры Журавлевых, куда переехала супруга с дочерью! Хуже от этого все равно не будет. Ну а продолжит жена гнуть свою линию, тогда заявление о разводе на стол, и все дела.

Пропустив вторую рюмку, Мамаев набрал номер мобильного Елены. Сотовый телефон супруги оказался отключен. Позвонил по городскому номеру. На этот раз ему ответили. Трубку сняла мать Елены:

– Алло?

– Здравствуйте, Галина Павловна! Станислав!

Женщина недружелюбно сказала:

– Я узнала тебя. Здравствуй!

– Елена с Настей дома?

– Нет!

– Могу узнать, где они?

– Послушай, Мамаев, думаю, тебе не стоит больше звонить ни Лене, ни тем более нам с Евгением Андреевичем! Дочь не собирается жить с тобой.

– Это ее окончательное решение?

– Да!

– В таком случае нам все равно придется еще какое-то время общаться.

– Не уверена! Развод можно устроить и в отсутствие одного из супругов.

– Но Настю-то я по закону имею право видеть.

– Это как решит суд! Все! У меня больше нет ни времени, ни желания разговаривать с тобой!

В динамике раздались короткие гудки. Мамаев отшвырнул от себя сотовый телефон и заказал бутылку водки. Не получится просто расслабиться. Сегодня он опять напьется. Да и черт с ним! Официант принес бутылку и пачку сигарет. От закуски капитан отказался.

В это же время в квартире Журавлевых из комнаты, отведенной под детскую, вышла Настя.

– Бабушка! Кто нам звонил? – спросила девочка. – Папа?

– Нет, Настенька, не папа. Папе не до тебя!

– Почему? Он же любит меня и маму! Я тоже его люблю!

Ответ ребенка вызвал раздражение у женщины.

– Настя! Я же сказала, звонил не папа! Иди к себе!

– Ну, почему папе не до меня?

– Потому что он не хочет жить с вами! Мы же не можем заставить его?! Иди, дорогая, подрастешь, все поймешь!

Опустив голову, девочка ушла в детскую.

Из ванной появилась Елена и задала тот же, что и дочь, вопрос:

– Кто звонил, мама?

– Твой ненаглядный! И, по-моему, не совсем трезвый!

– Что он хотел?

– Поговорить с тобой, наверное! Спросил, дома ли ты с дочерью. Я ответила, что нет! И посоветовала больше не звонить!

– Правильно сделала!

– Конечно, правильно!

– Что правильно? – из кресла у окна поднялся отец Елены, до этого читавший газету. Переспросил: – Что правильно? Человек всего лишь хотел поговорить со своей пока еще законной супругой и дочерью, а ты, Галина, нагло солгала ему! И это правильно? Это подло и низко!

Галина Павловна воскликнула:

– Что? Подло? Мамаев жизнь твоей дочери испортил, в рабыню превратил, а ты защищаешь его? Лена молодая, красивая женщина, ей всего двадцать четыре года. Самый возраст, чтобы наслаждаться жизнью, а вместо этого закрытый военный городок! Тюрьма. Постоянное отсутствие мужа, и еще неизвестно, где он на самом деле шатается! То ли на заданиях своих, то ли, прикрываясь заданиями, с бабами гуляет вместе со своими друзьями!

Евгений Андреевич возмутился:

– Да как у тебя, Галина, язык поворачивается так говорить о Станиславе? Он вместе со своими, как ты выразилась, друзьями людям жизни спасает, страну защищает. Если бы не такие, как Стас, то нас давно бы всех раздавил террор!

Елена рассмеялась:

– Что ты, папа, говоришь? Стас со своими жлобами Россию спасает! А то, кроме них, этого больше делать некому? И что они могут, какие-то семь человек? Каким террористам противостоять? Но пусть будет по-твоему, людей он, видите ли, защищает! Чужих защищает, а о своих, о родных... да что об этом говорить? Надоела мне жизнь эта собачья. Пусть служит, раз ему служба дороже семьи. А я не собираюсь монахиней в келье закрытого городка обретаться.

– Но другие же женщины не бросают своих мужей?

– Папа! Я не другая, и закончим на этом! С Мамаевым решено – развод и девичья фамилия. Мне Настю надо в люди выводить, да и самой по-человечески пожить.

Мать поддержала дочь:

– Верно, Елена! В Москве полно богатых и солидных мужчин. Найдешь и ты себе достойную пару. С твоими данными это несложно. А Настя может и с нами жить!

Евгений Андреевич посмотрел на жену, перевел взгляд на дочь:

– Да вы что, с ума обе сошли?

Галина Павловна подошла к мужу:

– Тебе, Женя, тоже лучше помолчать бы. Ученики твои на «Мерседесах» ездят да на яхтах по морям плавают, а ты чего добился? Академиком стал? А толку? Живем в нищете. Другие, возьми Петра Егоровича, свое не упускают. На экзаменах деньги делают. Только ты один честный. Ему, видите ли, совесть не позволяет взятки брать. Какие взятки? Люди готовы заплатить за то, чтобы их ребенок учился, так почему не помочь им? За плату, но эту плату они сами предлагают! И нет в этом ничего криминального, порочащего твое слишком обостренное чувство собственного достоинства.

Евгений Андреевич побледнел:

– Ты хочешь сказать, что вышла за меня по расчету?

– А ты думал, по любви? Нет, дорогой, любила я как раз Петра!

– Но... но...

– Почему связала жизнь с тобой? Да потому, что ты тогда уже кандидатом наук был, а это считалось престижно. Петр же еле держался на кафедре. Его в любой момент могли из университета в какую-нибудь задрипанную школу выгнать!

– И ты все время...

Между родителями встала Елена:

– Все, хватит! Успокойтесь. Поздно уже разборки устраивать. У Петра Егоровича своя семья, у нас своя!

Но академик Журавлев завелся:

– Успокойся? К черту! Я не собираюсь жить с женщиной, которая столько лет обманывала меня! И в чем? В самом святом!

Галина Павловна бросила на мужа пренебрежительный взгляд:

– А куда ты, Женя, денешься? Ты всегда был слабаком, жаль, по молодости не поняла этого. Да и я никуда не денусь. Упустила свой шанс в свое время, теперь уже ничего не изменить. Мы, Женечка, обречены быть вместе до могилы. Возраст. Так что остепенись и живи, как жил. Тебя же все устраивало. Но Елене погубить себя я не дам. Мамаева здесь и духа не будет!

Журавлев, стараясь скрыть вдруг выступившие слезы, хрипло произнес:

– Какая же ты дрянь, Галина! – И ушел к себе в кабинет.

Галина Павловна проводила взглядом мужа:

– Иди, иди, академик честный!

Вновь раздалась трель вызова телефона.

Галина Павловна взглянула на дочь:

– Опять, наверное, Мамаев! Если выпил, покоя не даст.

Она сняла трубку, но услышала молодой женский голос:

– Добрый день, Лену можно?

Галина Павловна взглянула на дочь, закрыв микрофон ладонью:

– Тебя девушка спрашивает.

– Это, наверное, моя подруга звонит, однокурсница, – воскликнула Елена. – Я вчера звонила ей, и мы договорились встретиться. – Она взяла трубку и спросила: – Надя?

– Да! Звоню, как и обещала. В общем, я свободна сегодня после шести. Тогда же можем встретиться.

– Где?

– Давай в ресторане «У причала»? Там мой знакомый работает! Он и столик организует!

– Но в ресторане дорого, Надя, а я сейчас почти без денег!

– Об этом не думай! Сама была в твоём положении, знаю, что такое уйти от мужа. Короче, ты согласна?

– Да, но...

Подруга не дала договорить бывшей однокурснице:

– Тогда в семь часов к твоему подъезду подъедет белый «Форд». За рулем будет Валера. Подойдешь к нему, назовешь себя, и он доставит тебя напрямик к ресторану. Я буду ждать у входа! Только предков предупреди, что вернешься поздно, чтобы не волновались.

– А почему поздно?

– Потому что до закрытия тебя оттуда силой не вытащишь. Кабак престижный, мужики солидные, богатые, артисты, что на эстраде светятся. Ну пока, жду!

Галина Павловна, слышавшая разговор подруг, спросила:

– Но в чем ты пойдешь в ресторан? У тебя же приличного платья нет, не говоря уже о драгоценностях.

Елена задумалась:

– Да, мама, с этим проблема!

Мать улыбнулась:

– Ничего, платье мы купим.

– На что?

– Отец на машину деньги собирает! У него и возьмем!

– Так он не даст, особенно после того, как ты его обидела.

– А мы его и спрашивать не будем. Деньги в стенке, в шкатулке. Кстати, там же украшения еще моей покойной бабушки лежат.

Галина Павловна прошла к мебелиной стенке. Достала шкатулку. От золота и камней Елена пришла в восторг:

– Я и не знала, что дома хранится такая прелесть, почему ты раньше мне о драгоценностях ничего не говорила?

– Чтобы в них перед своим офицеришкой красоваться? Настало время – сказала.

Мать достала и деньги – три тысячи долларов:

– Этого тебе хватит и на платье приличное, и на туфли, и на белье нижнее.

– Ну, о чем ты, мама?

– О жизни, дочь, о твоей новой, надеюсь, настоящей. А в ней все должно быть достойно тебя. И одежда, и нижнее белье! Иди в магазин! Тебе потребуется немало времени, чтобы купить то, что надо!

– Со мной не поедешь?

– Зачем? Вкус у тебя хороший. А я с отцом помирюсь.

В 19.00, уже в дорогом наряде, с новенькой сумочкой в руках, Елена вышла из подъезда. Напротив уже стоял белый «Форд», возле которого курил парень в джинсовом костюме. Жена Мамаева подошла к нему:

– Добрый вечер, вы – Валера?

– Да! Прошу в машину! Надя ждет вас!

Елена села в салон, и иномарка отъехала от дома под любопытными и удивленными взглядами соседок, занявших в это время свои излюбленные места у подъезда на скамейках.

Валерий быстро доставил Елену к престижному ресторану.

Молодая женщина вышла из автомобиля и тут же увидела Надежду, спешившую к ней. Одежда однокурсницы выглядела куда скромнее нарядов Мамаевой, на что подруга не обратила никакого внимания.

– Ленка! Как я рада снова видеть тебя!

– Я тоже!

– Ну что, пойдём, отметим встречу?

Елена указала на крепких, в строгих костюмах, парней, стоявших у входа:

– А эти пропустят нас?

– Куда ж они денутся? Но надо сделать звонок.

Надежда достала сотовый телефон, нажала нужную клавишу:

– Олег? Надежда! Мы у входа! Хорошо! – Выключила мобильник, бросив его в сумку. – Идем, нас встретят!

– А кто этот Олег? – спросила Елена. – Тоже охранник?

– Охранник? Нет, дорогуша, Олег Копылов управляющий этим рестораном! Он сейчас здесь за хозяина!

– Да ты что? Он твой любовник?

– Не без этого! Но вон он! Идем!

Женщины подошли к представительному мужчине. Надежда представила подругу:

– Елена!

Копылов внимательно оглядел Мамаеву:

– Олег!

– Очень приятно!

– Мне тоже! Пройдемте в главный зал. Я вам столик в самом уютном месте заказал. И на виду у всех, и в то же время в полумраке. Там Надя год назад устроилась, когда мы познакомились!

Подруга Мамаевой сказала:

– Учти, Олег! Елена женщина свободная, красивая.

– Последнее я заметил и оценил.

– Так вот! Мужика ей достойного надо! Но чтоб не на ночь.

Копылов усмехнулся:

– Понятно! Требуется женишка богатенького подогнать. Но холостых здесь почти нет!

– Не важно! Ты вот женат, но это же не мешает нам быть вместе?

– Все ясно! Постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Только не урода, Олег!

– А если урод очень богатый и очень захочет познакомиться с обворожительной Еленой?

Мамаева махнула рукой:

– Урод понятие растяжимое!

Надежда разрешила:

– Подгоняй и урода. Разберемся!

Управляющий провел молодых женщин в зал и усадил за столик для четверых, предварительно убрав с белоснежной скатерти табличку «Заказ». Сказал:

– Сейчас к вам подойдет официант, выбирайте, что захотите. Счет оплачен!

Надежда расплылась в улыбке:

– Ты у меня золотце, Олег!

Управляющий удалился. На сцену вышла молодая, но уже достаточно известная певица. Запела под фонограмму. Елена огляделась:

– Как здесь хорошо!

– Еще бы! Не забегаловка какая!

Подошел официант и молча положил перед подругами меню. Надежда сделала заказ, который был доставлен, пока она рассказывала Елене подробности своей встречи с Олегом, тогда еще старшим официантом. Выпили шампанского. Скованность, которую ощущала Елена до сего времени, исчезла, на душе стало покойно и весело.

А из кабины напротив на Мамаеву уже долго и хищно смотрел мужчина лет тридцати с дорогим перстнем на левой руке. Был он худощав и красив. Шрам на левой щеке не безобразил лица, а, напротив, придавал ему мужскую суровость. Рядом с ним сидели двое парней. Они молчали, видя, как внимательно смотрит шеф на женщин за столиком у самых витрин.

Наконец он повернулся к одному из своих парней:

– Рустам! Что за девица новая появилась?

Тот, кого мужчина назвал Рустамом, пожал плечами:

– Не знаю, Конан, впервые вижу, но, судя по всему, она с подружкой Копылова пришла. Мужчина сказал:

– Это я видел, сходи, позови Копа.

Конан, или известный в криминальном мире авторитет Геннадий Кольцов, владелец гостиницы, казино, салона красоты и сауны, где клиентам, как вобла к пиву, подавались отменные проститутки, закурил, продолжая хищным взглядом наблюдать за Еленой. Женщина нравилась ему. А значит, если она не принадлежит кому-то другому из среды Кольцова, должна принадлежать Конану. Рустам вернулся с управляющим.

Кольцов предложил Копылову присесть.

Тот с готовностью выполнил требование авторитета.

– Что за бикса в черном платье за столиком у окна? – спросил Конан.

Копылов ответил:

– Подруга моей Надежды!

– Как оказалась здесь? Ждет кого?

– Да нет, просто Надя пригласила ее. Вроде как жена какого-то офицера, но кинула того, а с Надеждой они вместе в университете учились.

– Аппетитная девица. Она должна поехать со мной! И ты, Олег, поможешь мне!

– Но в чем?

Кольцов посмотрел на управляющего:

– Сам знаешь, в чем. Используй собственную шлюху. Пусть девки минут через двадцать выйдут к причалу, пройдутся по аллее до стоянки. Остальное мое дело.

Копылов струсил:

– Конан, у тебя и так баб валом. Далась тебе эта Елена? С ней ты и Надежду перед подружкой подставишь, и меня перед хозяином! Лучше подкати к ней сам. Она как раз сама мужика богатенького снять не прочь. Поухаживай немного, и та полетит за тобой как миленькая!

Кольцов молча достал из кармана пиджака пятьсот долларов, бросил деньги на стол:

– Это тебе за работу. А у меня нет времени и тем более желания ухаживать за ней. Проблем с Шаланом – хозяином ресторана – у тебя не возникнет, да и у шлюшки твоей тоже! Иди! Через полчаса девка должна быть у стоянки! Пошел!

Копылов взял деньги и удалился. Покинул зал и Конан с охраной.

Женщины, разогретые шампанским, весело щебетали за столиком. Любовник Надежды подошел к ним, присел на свободный стул:

– Ну, как отдыхается, красавицы?

Елена воскликнула:

– Прекрасно! Здесь так мило!

Копылов взглянул на часы, обратился к Мамаевой:

– Лена! Ты произвела впечатление на клиентов нашего заведения.

Надежда спросила:

– Кто-нибудь клюнул, Олеженька?

– Да! И далеко не урод, а человек серьезный и богатый!

– Можно его увидеть? Где он сидит?

– Он вышел. Просил передать, что хотел бы поговорить с Еленой на улице!

– Вот как?

Надежда повернулась к подружке:

– Поняла? Масть пошла, и сразу! Везучая ты!

– В общем, девочки, – сказал Копылов, – если ловить момент, то надо выйти к набережной и пройти к стоянке!

Мамаева удивленно взглянула на любовника подруги:

– Почему к стоянке?

– Наверное, кавалер желает пригласить даму к себе домой для продолжения вечеринки.

– Но и здесь неплохо. Можно было и тут познакомиться, посидеть, поговорить.

– Лена! Ты хотела снять мужика? Считай, сняла, но он не желает здесь светиться. Впрочем, ты можешь отказаться. – Копылов нервно закурил. Зачем произнес последнюю фразу? А вдруг девка откажется? И тогда Конан спросит с него, почему тот не отработал «бабло». И спросит так, что мало не покажется. С ним шутки не проходят. Мужик властный и жесткий. В лучшем случае выставит счет. В худшем же...

Но Елена не отказала. Спиртное притупило в ней ощущение возможной опасности.

– Ладно! Раз кавалер желает заинтриговать даму, то почему не подыграть ему?

Управляющий облегченно вздохнул, улыбнулся:

– Ну, вот и хорошо. Делаем следующее...

Проинструктировав женщин, он подозвал официанта, что-то сказал ему. После чего они вышли из зала через служебный ход прямо на набережную. Пошли по аллее. Не доходя стоянки, Копылов остановил Надежду, обратившись к ее подруге:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.